

Astrouskaya, Tatsiana: Cultural Dissent in Soviet Belarus (1968-1988): Intelligentsia, Samizdat and Nonconformist Discourses. (Historische Belarus-Studien Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2019. – XVI, 232 S. – ISBN 978-3-447-11188-1

Астровская, Татьяна: Культурное инакомыслие в Советской Беларуси (1968–1988): Интеллигенция, самиздат и неконформистские дискурсы. 2019. – XVI, 232 с. – ISBN 978-3-447-11188-1

Рецензент / Rezendent:
Андрей Замойский / Andrei Zamoiski

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2020-00026>

Монография белорусского историка Татьяны Астровской посвящена последним десятилетиям Белорусской ССР. В настоящее время этот период в некоторых научных и журналистских кругах принято называть «золотой эрой СССР». Советская Беларусь вполне вписывалась в картину достижений советской эпохи. В советское время БССР, восстановившаяся после разрушительных последствий Второй мировой войны, считалась достаточно обеспеченной республикой с развитой экономикой и инфраструктурой. Представители советской белорусской интеллигенции в большинстве своем являлись выходцами из белорусской деревни и горожанами в первом поколении. Одновременно в Беларуси, как и в других советских республиках, в среде интеллигенции распространялись идеи, несовпадающие с проводимой коммунистической партией политикой, а также зарождалось диссидентское движение. В условиях советской цензуры многие непризнанные властью произведения могли увидеть свет только в самиздате. Авторы и читатели, несогласные с советской действительностью, вовлекались в общественно-политическую жизнь. Это отчетливо проявилось в годы перестройки, а в дальнейшем оказало непосредственное влияние на политические процессы в независимой Республике Беларусь.

Хронологические рамки монографии Татьяны Астровской охватывают период с 1968 по 1988 годы. Отправной точкой исследования стал 1968 год, связанный с так называемой «Пражской весной» и ее подавлением советскими войсками. В данном исследовании прослеживается попытка автора связать деятельность белорусской интеллигенции с событиями в странах Центральной и Восточной Европы. В частности, конечным этапом повествования был выбран 1988 год – время заката просоветских режимов в этом регионе. Указанный год являлся также одним из этапов перестройки в СССР, в ходе которой, безусловно, происходило ослабление цензуры и идеологического давления властей на советское общество. Возможно, что в советских республиках данный год не носил такого символического значения как последующие несколько лет. Можно отметить, что при выбранной периодизации автор имел все права завершить повествование о советской белорусской интеллигенции 1990 или 1991 годами – временем распада советской системы и политического конца Белорусской ССР. Период с 1988 по 1991 год стал богатым на исторические события, что в свою очередь поставило бы перед автором необходимость расширения исследования за счет привлечения новых источников.

Монография Татьяны Астровской состоит из семи глав, которые последовательно представляют читателю различные аспекты истории формирования белорусской интеллигенции, а также развития диссидентского движения и инакомыслия в этой советской республике. Автор предпринял экскурс в историю Беларуси, чтобы представить читателю исторические особенности формирования групп белорусских интеллектуалов в период Российской империи.

Особое внимание автор уделяет развитию печати на белорусском языке, например, печатных медиа в Белорусской ССР (с. 41). В 1920-е годы эта советская республика стала центром консолидации белорусских творческих элит, когда там активно проводилась политика белорусизации. Последовавшие изменения в национальной политике и деятельность советских карательных органов привели к тому, что многие представители белорусской национальной интеллигенции попали под подозрение со стороны власти (с. 43). Как известно, сталинские репрессии против советской интеллигенции, в том числе против белорусской, имели печальные последствия. Значительное число представителей творческих элит были физически уничтожены, а многие столкнулись с преследованиями и ограничениями даже в последующие десятилетия (с. 44).

Автор отмечает, что в Западной Беларуси, несмотря на зачастую дискриминационную политику польских властей в межвоенный период, белорусская интеллигенция имела некоторые возможности для творческого самовыражения, в том числе издания своих работ на белорусском языке. Белорусские авторы сталкивались с противодействием польских властей, стремящихся ослабить национальное самовыражение этнических меньшинств польского государства (с. 45).

На наш взгляд, интересный для исследования период Второй мировой войны отражен несколько поверхностно, что не дает полной картины противоречий в среде белорусской интеллигенции. В частности, автором не была упомянута печать коллаборационистов, которая активно была представлена на оккупированных белорусских землях, находящихся под контролем Генерального комиссариата «Белорутения».

Коренным этапом в развитии свободомыслия в советских республиках стала смерть Сталина и последствия хрущевской оттепели. Относительная либерализация советской системы способствовала активизации белорусской интеллигенции (с. 55). К творческой жизни возвращались узники лагерей ГУЛАГа, которым удалось пережить сталинские лагеря. Бывшие узники вернулись в Белорусскую ССР или продолжали свою деятельность в других республиках, поддерживая тесные контакты с группами белорусской интеллигенции в республике (с. 56). Автор детально рассматривает эффекты отхода от хрущевской оттепели и указывает на то, что силовое подавление Пражской весны оказало безусловное влияние на часть советской интеллигенции. В БССР интеллигенты также выражали свое сочувствие народам Чехословакии (с. 69). Хотя контакты между БССР и ЧССР были ограничены, подавление свобод в соседней социалистической стране для многих представителей творческой интеллигенции стало символом отката от либерализации (с. 71).

Автор выделяет несколько групп среди белорусской интеллигенции: творческая интеллигенция, включающая в себя «конформистов» и «нонконформистов», диссидентов, так называемую «национальную интеллигенцию», а также так называемое «поколение 1980-х годов» (с. 169). Среди факторов, повлиявших на взаимоотношения власти и интеллигенции, автор называет такие исторические события и катаклизмы как: насильственная массовая коллективизация конца 1920-х – начала 1930-х годов, антирелигиозная политика советского государства, а также Чернобыльская катастрофа, которая, несомненно, явилась катализатором общественных процессов в этой советской республике (с. 164). Период перестройки стал плодотворным периодом в творчестве многих авторов.

Автор рассматривает активность различных групп творческой интеллигенции на примере таких известных белорусских писателей как Владимир Короткевич (1930–1984), Василь Быков (1924–2003), Алесь Адамович (1927–1994), Лариса Гениуш (1910–1983) и др. Внимание автора также привлекла деятельность неформальных молодежных объединений, таких как «Майстроўня» [«Мастерская»] (с. 109), «Тутэйшыя» [«Местные»] (с. 110). Они объединяли в свои ряды творческую молодежь, которая была готова к поиску новых форм самовыражения. Деятельность этих объединений стала своего рода протестом «детей против отцов», а именно молодых литераторов против официальной литературы

(с. 113). Как уже упоминалось выше, политика перестройки способствовала усилению роли белорусского языка в творческой среде, а также усиливало национальную самоидентификацию, что проходило в общем процессе демократизации в восточноевропейском регионе (с. 116).

Важное место в монографии занимают различные аспекты развития белорусского самиздата. Автор достаточно подробно рассматривает распространение этих изданий, останавливаясь на описании и значении ряда таких работ. В качестве примера приведены не только единичные издания, но также периодические журналы, которые издавались в самиздате (с.141). Подробный анализ белорусского самиздата является одной из заслуг данного исследования.

Достаточно интересным является раздел монографии, связанный с проблемами советского антисемитизма и антисемитизма в Советской Беларуси (с. 157). Возможно, автору следовало бы уделить этой теме больше внимания. Как известно, в БССР, как и в соседней советских Украине и Молдавии в рассматриваемое время появились в печати различные публикации, разоблачающие антисоциализм, а на самом деле носящих откровенно антисемитский характер. Как пример, можно привести неупомянутые автором работы печально известного Владимира Бегуна (1929-1989), который являясь старшим научным сотрудником Института Философии и Права Академии Наук БССР, получил широкую известность «борца против сионизма» в СССР.

Диссидентское движение, развитие свободомыслия и развитие самиздата стали важными этапами в формировании демократических идей в Белорусской ССР, а далее в независимой Республики Беларусь. Особенно важным это стало в борьбе за политические права и свободы после 1994 года, когда в результате реванша консервативных кругов к власти пришел президент Александр Лукашенко. На фоне социальных конфликтов и экономических трудностей трансформационного периода этому политику удалось привлечь электорат, который испытывал ностальгию по «золотой эре СССР». Белорусское общество на тот момент не смогло противостоять подобным реваншистским настроениям, что показывает недостаточное влияние идей диссидентов, в отличие, например, от соседней Литвы.

Заслуга монографии Татьяны Астровской заключается также в том, что данное исследование не могло состояться в современной академической исторической школе Республики Беларусь. Для официальной историографии данная тема по понятным причинам не является диссертационной. Монография раскрывает вопросы и механизмы формирования инакомыслия в белорусском обществе, против которых, собственно, борется идеологический аппарат и цензура, возрожденные режимом Александра Лукашенко.

Монография Татьяны Астровской помогает отследить исторический путь белорусской интеллигенции на протяжении более ста лет, а также указывает влияние различных исторических событий на процесс становления этой общественно-политической группы. Данное исследование представляет несомненный интерес для понимания проблем, связанных с формированием белорусской национальной интеллигенции и ее идентичности. Автором был обработан значительный блок отечественной и зарубежной литературы, а также неопубликованных изданий, хранящихся в коллекциях архива и библиотеки Исследовательского центра Восточной Европы при Бременском университете (Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen), а также в фондах Открытого архива в Будапеште.

Об исследовании Татьяны Астровской белорусской аудитории сообщили негосударственные сайты, в том числе «Радио Свобода». Остается пожелать, чтобы монография Татьяны Астровской увидела свет на русском и белорусском языке.

Erstveröffentlichung der Rezension in deutscher Sprache auf H-Soz-Kult am 12.02.2020:
Публикация рецензии на немецком языке на H-Soz-Kult от 12 февраля 2020 г.:

Katrin Wülfing: Rezension zu: *Steffen, Dorothea: Tradierte Institutionen, moderne Gebäude. Verwaltung und Verwaltungsbauten der Bundesrepublik in den frühen 1950er Jahren. Bielefeld 2019. ISBN 978-3-8376-4613-9*, In: H-Soz-Kult, 12.02.2020, www.hsozkult.de/publicationreview/id/reb-28066

Steffen, Dorothea: Tradierte Institutionen, moderne Gebäude. Verwaltung und Verwaltungsbauten der Bundesrepublik in den frühen 1950er Jahren. Bielefeld: Transcript – Verlag für Kommunikation, Kultur und soziale Praxis, 2019. – 264 S. – ISBN: 978-3-8376-4613-9

Штеффен, Доротея: Ведомства и здания: наследие и модернизм. Административные учреждения и административные здания в ФРГ в начале 1950-х гг. Билефельд: Транскрипт, 2019. – 264 с. – ISBN: 978-3-8376-4613-9

Rezensent: Katrin Wülfing, Hochschule für Polizei und öffentliche Verwaltung Nordrhein-Westfalen, Abteilung Duisburg / Mülheim an der Ruhr

Рецензент: Катрин Вюльфинг, Высшая школа полиции и государственного управления земли Северный Рейн-Вестфалия, отделение Дуйсбург / Мюльхайм-ан-дер-Рур.

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2020-00032>

В начале 1950-х гг. институциональная реконструкция и поиски политической идентичности в Федеративной Республике Германия были тесно связаны друг с другом. Потребность и в том, и в другом была очевидной. Однако вопрос о том, в какой мере новому государству нужно и, возможно, вообще по силам было сохранять преемственность и где решиться на разрыв с ней, было предметом постоянных переговорных процессов в кругах политиков, юристов, общественных деятелей. Все эти дискурсы, формирующие их индивидуальные и групповые субъекты, а также взаимодействие с различными политическими и тематическими областями были и остаются предметом обширных научных исследований¹. При этом федеральные ведомства хоть и не находятся в

¹ От лица авторов многочисленных публикаций здесь можно, например, упомянуть некоторые из них: Axel Schildt, *Zwischen Abendland und Amerika. Studien zur westdeutschen Ideenlandschaft der 50er Jahre*, München 1999; Curt Garner, *Der öffentliche Dienst in den 50er Jahren. Politische Weichenstellungen und ihre sozialgeschichtlichen Folgen*, in: Axel Schildt / Arno Sywottek (Hrsg.), *Modernisierung im Wiederaufbau. Die westdeutsche Gesellschaft der 50er Jahre*, Bonn 1993, S. 759-790; Gertrude Cepl-Kaufmann u.a. (Hrsg.), *Die Bonner Republik 1945-1963. Die Gründungsphase und die Adenauer-Ära. Geschichte – Forschung – Diskurs*, Bielefeld 2018; Sebastian Liebold / Frank

приоритете, но привлекают к себе все возрастающее внимание². Поэтому инициированный Деннисом Куттингом (Dennis Kutting) и доведенный до конца Доротеей Штеффен (Dorothea Steffen) финансируемый Немецким научно-исследовательским сообществом проект, посвященный административным учреждениям и административным зданиям, инновативен не столько в силу своей темы, сколько благодаря междисциплинарному подходу, который соединяет историческую науку и историю архитектуры³.

В данной публикации рассматривается государственная идентичность и ее восприятие в начале 1950-х гг. в ФРГ. На примере административных учреждений – для этого выбраны Федеральное управление уголовной полиции (ФУУП; Bundeskriminalamt) и Федеральная счетная палата (Bundesrechnungshof) – исследуется реконструкция ведомств и зданий, идущие вокруг этого дебаты и стоящие за этим автостереотипы. Исходя из мысли, что «ранняя Федеративная Республика была создана и упорядочена в рамках и с помощью государственно-политических и архитектурно-конструктивных процессов и решений», Штеффен формулирует тезис, что такая «двойная» реконструкция была особенно драматична в отношении государственного управления. Те напряженные отношения, которые иллюстрирует уже заголовок книги, развивались в специфических рамках: с одной стороны, органы государственной власти и чиновники демонстрировали приверженность ярко выраженным традициям с соответствующим самовосприятием, которые во многих отношениях пережили административную реорганизацию и выступали в роли хранителей преемственности. С другой стороны, вне этой идейной плоскости архитектура была сознательно сделана «современной», как намеренный разрыв с прежними традициями архитектурного оформления ведомственных зданий. Теперь на первом месте стояли прагматизм и функциональность; в конечном счете, таким образом здания представляли собой «постройки-вызовы» (с. 20), которые подчеркнуто дистанцировались от кайзеровской Германии и национал-социализма.

Основываясь на этой предпосылке, автор расширяет рамки анализа за счет рассмотрения «двойной» реконструкции и различных ее измерений. В первую очередь рассматривается институциональное основание нового германского государства с его сочетанием преемственности и разрыва с прошлым. Штеффен обращает внимание на кадровые аспекты и проблематизирует «сохраняющую традиции реконструкцию административных учреждений» (с. 24), которая носила как прагматический, так и программный характер. Администрация и чиновники позиционировали себя как объективная, нейтральная и аполитичная инстанция. Политические и судопроизводственные решения федеральных властей укрепляли их в таком (само-)восприятии (с. 26), так что в кадровом, организационном и идейном смысле администрацию можно считать «оплотом преемственности» (с. 40). В то же время идентичность ранней Федеративной Республики и самовосприятие администрации были связаны друг с другом. Те этатистские идеи, которые представляли ФРГ как правовое государство, исходили от администрации и, таким образом, определяли ее как противовес или поправку к парламентаризму и демократии (с. 40).

Schale (Hrsg.), Neugründung auf alten Werten? Konservative Intellektuelle und Politik in der Bundesrepublik, Baden-Baden 2017.

² Ср., например: Manfred Görtemaker / Christoph Safferling, Die Akte Rosenberg. Das Bundesministerium der Justiz und die NS-Zeit, München 2016; Constantin Goschler / Michael Wala, „Keine neue Gestapo“. Das Bundesamt für Verfassungsschutz und die NS-Vergangenheit, Reinbek 2015.

³ Таким подходом (с сильным упором на историю архитектуры) пользуется также, например, данная исследовательница: Elisabeth Plessen, Bauten des Bundes 1949-1989. Zwischen Architekturkritik und zeitgenössischer Wahrnehmung, Berlin 2019.

В отношении материальной реконструкции можно проследить противоположные течения. Вместо сохранения преемственности здесь на первом плане стоял архитектурный разрыв с прошлым. Архитектурный стиль вновь возведенных ведомственных зданий, решительно определенный как «модернистский», вызывал споры, а также не позиционировался открыто как отход от национал-социалистического прошлого. Вообще, создается ощущение, что послевоенная архитектура во многих местах ускользает от какой-либо однозначной политической расшифровки (с. 46). При этом государство/политика и архитектура даже и в 1950-е гг. не были друг другу диаметрально противоположны; напротив, их отношения между собой были сложными и во многом нетранспарентными. Архитектура ФРГ стремилась и должна была отмежеваться от монументальности сразу двух диктатур: национал-социализма и ГДР (с. 51). Административные здания начала 1950-х гг. были направлены против «сверхполитизации архитектуры» (с. 52) за счет того, что порывали с традиционными мотивами. При этом оставался открытым вопрос, «что заняло место этой устаревшей идеи» (там же) – тем самым, и архитектурная реконструкция, в конечном счете, выражала «конфликты идентичности» (с. 55).

Разъяснения и уточнения к этим соображениям автор дает в двух следующих главах, в которых она выборочно, на примере Федерального управления уголовной полиции в Висбадене и Федеральной счетной палаты во Франкфурте-на-Майне, исследует «напряженные отношения между оберегающей традиции институциональной и «модернистской» архитектурной (ре-) организацией административных ведомств» (с. 62). На переднем плане при этом находятся дискурсы, а также модели восприятия и приписываемые значения, которые были связаны с проектированием, возведением и торжественным открытием обоих зданий. Штеффен объясняет свой выбор тем, что у них много общего: запланированные как подчеркнуто модернистские железобетонные постройки⁴, оба здания находятся в одной федеральной земле, их строительство шло под руководством сначала муниципальных, а затем федеральных властей, возведены они были практически в одно время и в 1953 г. друг за другом торжественно открыты (с. 67). Несмотря на то, что рассмотрение вышеупомянутых тезисов на отобранных примерах зданий напрашивается само собой и представляется целесообразным, при этом встает вопрос, не было ли бы приращение знания, ограничивающееся в данном случае временными рамками с 1950 по 1953 гг. и федеральной землей Гессен, больше, если бы в качестве объекта исследований были выбраны другие постройки.

Автор сначала исследует оба здания по отдельности, а затем ищет между ними связь, чтобы ответить на вопрос, какая роль им отводилась в политической сфере. При этом обнаруживаются основные различия: у ФУУП не было прямого институционального предшественника, оно было впервые создано как государственный орган ФРГ и подчинено Федеральному министерству внутренних дел. Из-за того, что Имперское управление криминальной полиции, а позже Главное управление имперской безопасности было одной из опор национал-социалистической диктатуры, преемственность между ними и ФУУП сознательно замалчивалась (с. 70 и сл.). По-другому дело обстояло с Федеральной счетной палатой (в какой-то степени преемницей Имперской счетной палаты), которая как высшая федеральная инстанция не только имела особый правовой статус, но и была (или должна была быть) для общественности и политиков воплощением нейтрального, объективного правового государства (с. 72). За счет споров, которые велись вокруг их создания, обе

⁴ См. примеры на картинках: https://www.bka.de/DE/DasBKA/StandorteAnfahrt/w1/w1_node.html (24.1.2020) и https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Bundesarchiv_B_145_Bild-F050404-0003_Frankfurt_am_Main_Bundesrechnungshof.jpg (24.1.2020).

организации были вплетены в процесс формирования юной ФРГ. Их постройка отражает, с одной стороны, «явное доминирование исполнительной власти» (с. 207f), а с другой – «субординацию эстетических, архитектурно-планировочных решений» (с. 208).

В заключение данной хорошо написанной и удавшейся работы Доротея Штеффен представляет читателю очень дифференцированную картину административных учреждений, архитектуры и прошлого, которая вновь показывает многоплановость и амбивалентность отдельных тенденций развития ранней ФРГ: так, приверженность западногерманского государства принципам нейтральности, конструктивности и объективности включала в себя осуждение национал-социализма как диктатуры произвола, с которой нужно было порвать как институционально, так и архитектурно. В то же время, корни произвола и беззакония усматривали все-таки в деятельности партии и политиков, а не в якобы аполитичной бюрократии. Таким образом, административные учреждения представлялись как полярная противоположность национал-социалистической диктатуре, и им не пришлось ставить под вопрос свою унаследованную от прошлого роль.

Перевод с немецкого: Елена Брагина (Elena Bragina)
Редакция перевода: Кирилл Левинсон (Kirill Levinson)

Erstveröffentlichung der Rezension in deutscher Sprache auf H-Soz-Kult am 23.01.2020:
Первая публикация обзора на немецком языке на H-Soz-Kult 23 января 2020 г.:

Christopher Kopper: Rezension zu: *Salden, Janina: Der Deutsche Sparkassen- und Giroverband zur Zeit des Nationalsozialismus* Stuttgart 2019. ISBN 978-3-515-12340-2, In: H-Soz-Kult, 23.01.2020, www.hsozkult.de/publicationreview/id/reb-29165.

Salden, Janina: Der Deutsche Sparkassen- und Giroverband zur Zeit des Nationalsozialismus. Stuttgart: Franz Steiner Verlag 2019. – 385 S. – ISBN: 978-3-515-12340-2

Сальден, Янина: Германская ассоциация сберегательных банков и касс безналичных расчетов в эпоху национал-социализма. Штуттгарт: изд-во Франц Штайнер 2019. – 385 с. – ISBN: 978-3-515-12340-2

Rezensent: Christopher Kopper, Fakultät für Geschichtswissenschaft, Philosophie und Theologie, Universität Bielefeld

Резензент: Кристофер Коппер, факультет истории, философии и теологии Билефельдского университета

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2020-00031>

Диссертация боннского историка Янины Сальден относится к исследованиям истории ассоциаций и союзов в эпоху национал-социализма, возобновившимся в последние годы после длительной паузы. В 2001 году британский историк Гарольд Джеймс, специализирующийся на истории экономики, опубликовал исчерпывающее исследование о зонтичной организации немецких коммерческих банков и ее преобразовании в рейхсгруппу банков, тогда как о деятельности зонтичной организации сберегательных банков при национал-социализме было известно лишь в общих, довольно расплывчатых чертах.

В результате весьма тщательных исследований документов из фондов государственных и ведомственных архивов Янина Сальден представляет всеобъемлющее исследование, в котором рассматривается, прежде всего, процесс медиатизации Ассоциации сберегательных банков и касс безналичных расчетов посредством принудительной интеграции в централизованную систему рейхсгрупп и экономических групп, находящихся под контролем и руководством рейхсминистерства экономики. Закон "О подготовке органического построения германского хозяйства" лишь имитировал профессиональное самоуправление в экономике, отменил автономию отраслевых объединений в области кадровой политики и превратил их в приводные ремни рейхсминистерства экономики. При том, что автор, опираясь на обильные источники, во всех деталях представляет процесс медиатизации в 1933 и 1934 годах (глава III), она, тем не менее, не уделяет должного внимания существенному отличию между приобщением кадров к национал-социалистической идеологии в ассоциации сберегательных банков и в ассоциации коммерческих банков. В отличие от Центральной

ассоциации немецких банков и банкиров среди членов правления и исполнительных директоров Германской ассоциации сберегательных банков и касс безналичных расчетов до 1933 года не было евреев, в связи с чем их не коснулись антисемитские «чистки», совершавшиеся по указанию президента рейхсбанка Ялмара Шахта.

В то время как по расистским соображениям руководство ассоциации коммерческих банков было полностью заменено, назначение "старого бойца НСДАП" Первым заместителем председателя ассоциации сберегательных банков, которое было инициировано имперским руководством НСДАП, а одобрено Германской ассоциацией сберегательных банков и касс безналичных расчетов по причине политической целесообразности, не имело стратегического значения в процессе самостоятельного вовлечения в национал-социалистическую идеологию. В конце 1934 года заместитель-нацист предложил рейхсминистру экономики Шахту долгожданный повод для отстранения от должности заслуженного президента ассоциации Эрнста Кляйнера после того, как счетная палата Рейха указала на значительные финансовые злоупотребления в виде завышенных окладов и дорогостоящих коммерческих объявлений в национал-социалистических газетах. Автор убедительно демонстрирует, что приобщение кадров к господствующей идеологии с помощью национал-социалистических гауляйтеров, премьер-министров земель и обер-президентов распространялось в первую очередь на совет директоров Ассоциации сберегательных банков, в состав которого входили функционеры региональных ассоциаций сберегательных касс, а также представители провинциальных союзов и земель. Руководство Ассоциации сберегательных банков или экономической группы сберегательных банков смогло обеспечить профессиональные стандарты в работе ассоциации и в значительной степени защитить свой кадровый состав от кадрового и политического вмешательства партийных чиновников. Это не изменилось даже после вынужденного ухода в отставку президента ассоциации, пангерманиста Кляйнера, которого в 1935 году по поручению рейхсминистра экономики сменил специалист-чиновник Йоханнес Хайнце, бывший руководитель банковского и кредитного отдела рейхсминистерства экономики.

Вместе с тем в главе IV автор убедительно показывает, что медиатизация Ассоциации сберегательных банков в экономическую группу сберегательных банков с последующей интеграцией в рейхсгруппу банков не повлияла на самостоятельность в защите интересов самих сберегательных банков.

Самоуправлению в организационно-кадровой политике Ассоциации сберегательных банков угрожала не интеграция в группу рейхсбанков, которую возглавляли представители крупнейших банков, а центральное бюро НСДАП по муниципальной политике, бюро заместителя фюрера и германский трудовой фронт. В поликратическом строе нацистского режима экономической группе сберегательных банков удавалось благодаря продуманной тактике получать поддержку рейхсминистерства экономики для защиты самостоятельности в области кадровой политики от НСДАП и, наоборот, привлекать помощь главного управления муниципальной политики НСДАП в борьбе с угрозами и возможными ограничениями предпринимательской деятельности сберегательных банков.

Сугубо организационно-исторический подход данной монографии создает само по себе верное впечатление, что сведение функций ассоциации сберегательных банков "к подручному инструменту государства и партии" стала возможным благодаря потере организационной автономии и преобразованию в экономическую группу сберегательных банков. Однако эта институционально-историческая перспектива недооценивает влияние уже введенных в 1932 и 1933 гг. инструментов экономического управления в области законодательства о сберегательных банках, политики процентных ставок и управления рынком капитала. И в этой связи вывод о том, что национал-социалистическое государство в значительной степени смогло обойтись без прямого

давления на сберегательные банки ввиду разнообразия инструментов управления кредитной политикой, используемых для их контроля, является безоговорочно верным. Благодаря структуре своего инвестиционного бизнеса сберегательный сектор, претерпев лишь незначительное сопротивление, смог более полно адаптироваться к требованиям кредитной политики нацистского режима. Однако краткий количественный анализ развития бизнеса сберегательного сектора и сравнение с коммерческими банками позволили бы показать относительный характер тезиса автора о невыгодном положении сберегательных банков в сравнении с коммерческими и кооперативными банками.

Перевод с немецкого: Мария Часовская (Maria Tschassowskaja)
Редакция перевода: Кирилл Левинсон (Kirill Levinson)

Erstveröffentlichung der Rezension in deutscher Sprache auf H-Soz-Kult am 9.04.2020:
Публикация рецензии на немецком языке на H-Soz-Kult от 9 апреля 2020 г.:

Anton F. Guhl: Rezension zu: *Prüll, Livia; George, Christian; Hüther, Frank (Hrsg.): Universitätsgeschichte schreiben. Inhalte – Methoden – Fallbeispiele. Göttingen 2019. ISBN 978-3-8470-0966-5*, In: H-Soz-Kult, 09.04.2020, www.hsozkult.de/publicationreview/id/reb-29059.

Prüll, Livia; George, Christian; Hüther, Frank (Hrsg.): Universitätsgeschichte schreiben. Inhalte – Methoden – Fallbeispiele. Göttingen: V&R unipress, 2019. – 255 S. – ISBN: 978-3-8470-0966-5

Прюль, Ливия; Георге, Кристиан; Хютер, Франк: Историография университета. Содержание – методы – примеры. Göttingen: V&R unipress 2019. – 255 с. – ISBN: 978-3-8470-0966-5

Rezensent: Anton F. Guhl, Institut für Geschichte, Karlsruher Institut für Technologie

Рецензент: Антон Ф. Гуль, Институт истории, Технологический институт Карлсруэ

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2020-00030>

«Майнцский университет, основанный в 1477 году, и поныне привержен духу Иоганна Гутенберга, чье имя он носит»¹. В этом «слогане» на главной странице веб-сайта университета одновременно отразились и значение, которое высшие учебные заведения придают своей истории, и тот факт, что для подобного рода девизов важна не только историческая точность. Весьма важную роль в самосознании университетов, опирающемся на их историю, играет связь с теми событиями, в результате которых возник университет. Обсуждаемый здесь сборник докладов, подготовленный Ливией Прюль, Кристианом Георге и Франком Хютером, также обязан своим выходом памяtnому событию. Он возник в связи с подготовкой празднования семидесятилетия второго основания Майнцкого университета (1946 г.).²

Не знакомый с историей этого университета непременно задумается: когда же он был основан - в 1477 или 1946 году?: Ответом будет: и в том, и в другом, - поскольку старый университет был закрыт в 1798 году. Вопрос о «фактическом или кажущемся единстве истории Майнцкого университета» (S. 12) затрагивает не только историческую науку как таковую, но и то, какое прошлое приписывает себе университет в процессе самопрезентации вовне и внутреннего самоосмысления. Перед лицом таких не всегда достоверных требований, предъявляемых к истории университета, ей следует постоянно критически пересматривать свою деятельность.

¹ <https://universitaet.uni-mainz.de/> (07.01.2020).

² <https://www.hsozkult.de/searching/id/termine-29832> (07.01.2020).

В своих вступительных замечаниях Ливия Прюль описывает «зарождение университетской истории в Майнце», преследуя цель обрисовать региональные особенности того, как обходятся с дилеммами университетской истории. (S. 8, Anm. 3). Ливия Прюль показывает, что предметом дискуссии может быть не только историческая «самобытность» университетов, но и демонстрация того, как ее изучение укоренено в локальном контексте. В Майнце этим вопросом занимается, прежде всего, «Союз исследователей университетской истории» при университетской библиотеке, основанный в 2001 году и располагающий собственным бюджетом. О кадровом обеспечении проекта по случаю 75-летнего юбилея университета (2021) и о том, как выглядит планируемая публикация, можно было бы, кстати, рассказать подробнее.

Само название сборника подчеркивает историографическую практику и указывает на то, какие исследовательские программы в ней реализуются.³ В этом жанре, который «всегда служит, в частности, рефлексии и осознанию историками собственных позиций» (S. 38), исполнен общий обзор Райнера Кристофа Швингеса (Rainer C. Schwinges). Его автор обрисовывает текущее состояние исследований и их тенденции, основываясь на хрестоматийной работе Вальтера Рюегга (Walter Rüegg) по истории университета в Европе.⁴ Швингес определяет четыре тематических поля, подлежащих изучению историей университета: институциональная и конституционная история (структурная история академии), история отдельных личностей (биография и просопография), история студенчества и, наконец, история коммуникации университета (S. 41–45). Описание внешней стороны университета представляется убедительным, но в качестве основного акцента его следует понимать наряду с другими классическими подходами. Примерно так же к исследованию можно было бы подключить и другие области – например, историю материальной культуры университета, написанную с позиций истории архитектуры и технологии, или историю тесных и многообразных взаимоотношений университетов с государством, деловыми кругами и обществом.

За исключением статьи Мартина Кинцингера (Martin Kintzinger) материалы сборника посвящены новейшей истории, как, например, эссе Михаэля Грютнера (Michael Grüttner) об университетах в период национал-социализма. Эту работу следует особо выделить, т. к., определяя фазы «Политики в отношении прошлого» в рамках университетов после 1945 года, она одновременно обозначает исторические рамки для былой университетской историографии. Грютнер резюмирует переход от первоначального замалчивания к сегодняшнему «стимулу к действию» в отношении тех высших учебных заведений, чья история пока не была основательно изучена (S. 90).

В другом ключе скомпонована работа Илько-Саши Ковальчука (Ilko-Sascha Kowalczyk), представляющая собой обсуждение новейшей историографии университетов ГДР. Ковальчук критикует частое недопонимание роли Социалистической единой партии Германии: партия, подчеркивает он, была не «анонимным предприятием» (S. 145, S. 147f.), а неотъемлемой частью университетских структур. Применительно к западногерманским университетам Барбара Вольбринг (Barbara Wolbring) предлагает введение новой категории анализа. Часто предполагаемую противоположность реформаторов и противников реформ следует, по ее мнению, дополнить второй дихотомией: субъекты, защищающие или

³ Marian Füssel, Wie schreibt man Universitätsgeschichte? in: NTM. Zeitschrift für Geschichte der Wissenschaften, Technik und Medizin 22 (2014) Heft 4, S. 287–293; Stefan Gerber, Wie schreibt man „zeitgemäße“ Universitätsgeschichte?, in: ebd., S. 277–286; vgl. auch Sylvia Paetschek, Stand und Perspektiven der neueren Universitätsgeschichte, in: ebd., 19 (2011) Heft 2, S. 169–189.

⁴ Walter Rüegg (Hrsg.), Geschichte der Universität in Europa, Bände., München 1993–2010.

укрепляющие собственную логику науки, и другие, которые хотят подчеркнуть или реализовать социальную значимость высших учебных заведений.

Во второй части («Методы»), помимо убедительных выступлений Кристи Клейн (Crista Klein) в пользу связи биографии и просопографии и Франка Хюттера в пользу переплетения архива и исторической науки заслуживает особого внимания статья Ливии Прюль. Исследовательница обращается к ключевой проблеме частого разделения истории науки и истории университетов: их объединение она называет настоящей необходимостью.⁵ Данная связь, считает автор, может быть достигнута за счет более широкого использования конкретных примеров (S. 217). Так, пример гематолога Людвиг Хайльмайера (Ludwig Heilmeyer) и его успеха в проведении крупного международного экспертного конгресса в одном из германских университетов в середине 1950-х годов отражает в институциональном и историко-научном смысле фазу консолидации в Федеративной Республике Германии (S. 215). Лишь частично обобщить можно другой пример: доклад, прочитанный Герхардом Риттером (Gerhard Ritter) сразу после войны об «идее университета».⁶ Дело в том, что здесь предметом построенного на примерах историко-научного исследования является сама университетская история, а точнее размышления историка об (историческом) месте университета в общественной жизни. Таким образом, само по себе убедительное экспертное суждение одновременно свидетельствует о трудностях, связанных с его воплощением в жизнь.

И наконец, следует обратиться к третьему разделу («Примеры»), в котором Томас Беккер (Thomas Becker) описывает историю юбилеев Боннского университета. Взгляд Беккера на «юбилейную историографию» прошлых событий особенно интересен, потому что, будучи соредактором юбилейных сборников, опубликованных в 2018 году в Бонне, он обладает «более детальным знанием „юбилейной практики“» (S. 21)⁷. Так, он не скрывает и «провальные моменты в работе», с которыми приходится сталкиваться редакции такого гигантского проекта, например, когда объем задач оказывается непосильным для авторов, которым они были поручены (S. 250).

Митчелл Дж. Эш (Mitchell G. Ash), описывая юбилей Венского университета в 2015 году, ставит другой акцент в докладе. Эш показывает, что историческая наука всегда с радостью пользуется годовщинами для создания новых исследований, однако «между исторической рефлексией и культурой мероприятий» в связи с этим могут возникнуть зависимости и влияния. Эта проблематика конкретно описана на примере университетского руководства, которое отвергло первоначальную концепцию юбилейного сборника как «слишком исторического» (S. 226). Не менее плодотворным оказывается рассмотрение бюджетов празднеств, поскольку выделение средств не в последнюю очередь свидетельствует о ценности, придаваемой «рефлексии» и «мероприятию».

Итак, перед нами удачный сборник, вводные обзорные части которого также могут быть успешно применены в преподавании (в первую очередь работы Швингеса, Грютнера и

⁵ Vgl. z. B. Paletschek, Stand, S. 171.

⁶ Gerhard Ritter, *Die Idee der Universität und das öffentliche Leben*, Freiburg im Breisgau 1946.

⁷ Vgl. Anton F. Guhl, *Sammelbesprechung von Christof Dipper u.a. (Hrsg.), Epochenschwelle in der Wissenschaft – Beiträge zu 140 Jahren TH/TU Darmstadt (1877–2017)*, Darmstadt 2017; Wolfgang A. Herrmann / Winfried Nerdinger (Hrsg.), *Die Technische Hochschule München im Nationalsozialismus*, München 2018; Dominik Geppert (Hrsg.), *Preußens-Rhein-Universität. 1818–1918 (Geschichte der Universität Bonn, Bd. 1)*, Göttingen 2018; Dominik Geppert (Hrsg.), *Forschung und Lehre im Westen Deutschlands. 1918–2018 (Geschichte der Universität Bonn, Bd. 2)*, Göttingen 2018; Thomas Becker / Philip Rosin (Hrsg.): *Die Buchwissenschaften (Geschichte der Universität Bonn, Bd. 3)*, Göttingen 2018; Thomas Becker / Philip Rosin (Hrsg.), *Die Natur- und Lebenswissenschaften (Geschichte der Universität Bonn, Bd. 4)*, Göttingen 2018, in: *NTM. Zeitschrift für Geschichte der Wissenschaften, Technik und Medizin* 27 (2019), S. 395–400.

Клейн); краткие аннотации докладов облегчают работу со сборником. Учитывая двойную традицию основания Майнцкого университета, следует отметить, что, несмотря на упоминание о втором основании, преобладает идея традиционного полного университета, существующего со времен Средневековья. Это не является чем-то особенным для историографии университетов в XX веке, однако сложный университетский ландшафт этого периода, таким образом, отодвигается на второй план. Например, в сборнике почти не уделяется внимание техническим вузам и университетам прикладных наук, что приводит к определенным потерям. Во-первых, можно было более четко сформулировать такие конкретные факты, как пример празднования юбилея Фрайбургского университета в 1957 году, о нем говорится как о первом отмеченном после Второй мировой войны (S. 213), но при этом упускается из внимания контекст празднования 125-летия университетов прикладных наук в Карлсруэ и Штутгарте.⁸ Во-вторых, если обращать внимание не только на традиционные полные университеты, то получают дополнительный импульс поиски ответов на концептуальные вопросы о месте высших учебных заведений в обществе, о применимости преподаваемого в них знания и о политическом содержании процесса производства этого знания. Размышления о том, как пишут историю университетов, дает повод последовательно задуматься над вопросом, почему высшие учебные заведения иных типов так часто оказываются за пределами внимания историков.

Перевод с немецкого: Наталия Алушкина (Natalia Alushkina)
Редакция перевода: Кирилл Левинсон (Kirill Levinson)

⁸ Friedrich Raab (Hrsg.), Die Technische Hochschule Fridericiana Karlsruhe. Festschrift zur 125-Jahrfeier, Karlsruhe 1950; Manfred Koschlig / Fritz Martini, Die Technische Hochschule Stuttgart. Bericht zum 125jährigen Bestehen, Stuttgart 1954.

Erstveröffentlichung der Rezension in deutscher Sprache auf H-Soz-Kult am 09.04.2020:
Публикация рецензии на немецком языке на H-Soz-Kult от 9 апреля 2020 г.:

Jens Elberfeld: Rezension zu: *Neumaier, Christopher: Familie im 20. Jahrhundert. Konflikte um Ideale, Politiken und Praktiken. Berlin 2019. ISBN 978-3-11-064677-1*, In: H-Soz-Kult, 09.04.2020, www.hsozkult.de/publicationreview/id/reb-28877.

Neumaier, Christopher: Familie im 20. Jahrhundert. Konflikte um Ideale, Politiken und Praktiken. Berlin: De Gruyter Oldenbourg, 2019. – 596 S. – ISBN: 978-3-11-064677-1

Ноймайер, Кристофер: Семья в XX в.: конфликты вокруг идеалов, политики и практик. Берлин: Де Гройтер Ольденбург, 2019. – 596 с. – ISBN: 978-3-11-064677-1

Rezensent: Jens Elberfeld, Historische Erziehungswissenschaft, Institut für Pädagogik, Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg

Рецензент: Йенс Эльберфельд, отделение исторической педагогики, кафедра педагогики, Галле-Виттенбергский университет им. Мартина Лютера

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2020-00029>

В XXI в. семья по-прежнему остается центральным предметом политических дискуссий. Так, оформившийся за прошедшие годы протест против расширения гетеросексуально-нормативного понимания семьи стал ключевым пунктом программы правых, популистских движений, которые видят в признании однополых союзов удар по институту семьи¹. В своем богатом деталями и взвешенными аргументами исследовании Кристоф Ноймайер убедительно показывает, что с самого начала история «современной» семьи неразрывно связана со спорами, которые подчас ожесточенно идут вокруг ее желаемой формы и общественной функции.

Работа, которую предстоит обсудить, рассматривает в этом отношении Германию в период с конца XIX в. до начала 1980-х гг. В фокусе научного интереса Ноймайера преимущественно три вопроса: какие субъекты участвовали в полемике и за какие модели семьи они выступали? Как соотносились пропагандируемые идеалы с изменениями в структуре социума и повседневной жизни? В каких правовых и политических реалиях существовали те, и другие? Именно отталкиваясь от выяснения отношения между идеалом семьи и семейной практикой, автор рассчитывает узнать больше о движущих силах и значимости соответствующих изменений в обществе. Вслед за специалистами по социологии семьи, он оперирует для этого эвристически широким понятием семьи как формы совместной жизни людей, что позволяет наряду с классической нуклеарной семьей

¹ Cp.: Sabine Hark / Paula-Irene Villa (Hrsg.), *Anti-Genderismus. Sexualität und Geschlecht als Schauplätze aktueller politischer Auseinandersetzungen*, Bielefeld 2015.

проанализировать не состоящих в браке родителей и родителей-одиночек. Между тем, за рамки исследования выносятся однополые пары с детьми и «семьи мигрантского происхождения» (S.15), поскольку они, по Ноймайеру, не играли значимой роли в исследуемый период.

Работа выстроена хронологически, ее можно грубо разделить на две части. Главы 2-4 соответствуют политическим вехам конца XIX - середины XX вв. Главы 5-8 представляют сравнительный взгляд на Германскую Демократическую Республику (ГДР) и «старую» (в границах 1949-1990 гг.) Федеративную Республику Германию (ФРГ). Исследование открывается возникновением в начале XIX в. буржуазной модели семьи, значение которой заключалось не в ее количественном распространении, а в ее притягательности как идеала, - к концу века ее правовой статус был закреплен в Гражданском кодексе. Тем временем с появлением пролетарской семьи зародилась еще одна модель, связанная с ценностями эпохи модерна, которую в зависимости от собственной политической позиции одни толковали как признак общественного упадка, другие - прогресса. С наступлением *Fin de siècle* полемика вокруг темы семьи обострилась, в основе чего, по мнению автора, лежали три процесса: драматизация ее положения, поляризация конкурирующих друг с другом представлений о семье и обществе и нарастающая биологизация – в форме генетики и евгеники. Первая мировая война, по автору, лишь придала дополнительный импульс этим процессам. Он полагает, что в Веймарской республике споры велись преимущественно о роли женщины, и здесь противостояли друг другу две полярно разные позиции. Консервативные партии и церкви боролись за якобы возвращение к буржуазно-патриархальной модели семьи XIX века и пытались отыграть обратно изменения. Либералы, социал-демократы и движение за гражданские права женщин, напротив, выступали за осторожное реформирование семейного идеала, который, по их мнению, следовало адаптировать к новым условиям, чтобы семья и дальше могла выполнять свою функцию интегрирующей и упорядочивающей силы. Два этих взгляда были, по мысли автора, определяющими в дискуссиях о семье в случае ФРГ до начала 1970-х гг.

Что касается национал-социалистов, автор пишет, что им со своей демографически ориентированной семейной политикой удалось подключиться к дебатам в конце 1920-х гг. В отличие от идей консерваторов, они все же пропагандировали функционалистскую модель, которая оценивала семью по уровню ее значимости для «народной общности» (*Volksgemeinschaft*) и делали ставку на вмешательство государства в семейную жизнь. Вместе с тем, в случаях с разводами и внебрачными детьми выявились идеологические противоречия нацистов между идеалом традиционной семьи и приматом «расовой политики». В послевоенное время, следуя автору, понятие нуклеарной семьи на некоторое время расширилось за счет возросшего значения разветвленных родственных связей. Однако возвращение мужей с войны и из плена провоцировало конфликты, поскольку зачастую они и сами были больше не способны играть прежнюю роль патриархов семьи, и не хотели по-партнерски взаимодействовать с супругами, которые долгое время были предоставлены сами себе.

В период послевоенного восстановления семья в обеих частях разделенной Германии пользовалась огромным уважением. Несмотря на то, что цели политических режимов в Восточной и Западной Германии сильно расходились друг с другом, и перед ФРГ, и перед ГДР стояла проблема, как привести свой идеал семьи в соответствие с имеющимися социальными практиками. Так, в ФРГ буржуазно-христианская семейная модель обрела большую нормативную силу и вписалась как в Конституцию и законодательство, так и в семейную политику. На этом фоне шли споры о трудовой деятельности женщин, что шло рука об руку с вопросом ухода за детьми. Несмотря на это, вплоть до 1960-х гг. жизнь

женщины вращалась вокруг материнства. В ГДР, в свою очередь, как пишет автор, занятость женщин на производстве была политически желательна, а ввиду нехватки рабочей силы и экономически необходима. Однако и в Восточной Германии первое время имела место быть вопиющая нехватка мест в детских учреждениях. Продолжая эту тему, Ноймайер объясняет, насколько можно говорить о том, что в 1960-х и ранних 1970-х гг. семья подверглась радикальным преобразованиям. В противовес этой распространенной точке зрения, он показывает относительность зафиксированных статистически изменений и рассматривает их в контексте более долгосрочных траекторий развития. 1960-е гг. поэтому можно охарактеризовать как переломное десятилетие, в котором дебаты велись не в последнюю очередь на основании статистических данных. Вообще, по мнению автора, о кризисе семьи, как о нем говорили современные наблюдатели, можно говорить с натяжкой, поскольку среди населения она по-прежнему очень поощрялась. Решающим стало, скорее, ее качественное изменение, в ходе которого брак и семья стали все более понимать как союз личностей.

С момента вступления в силу в 1900 г. Гражданского кодекса в семейном праве царила примечательная преемственность. Ситуация изменилась в середине 1960-х гг., хотя временные и сущностные различия между двумя германскими государствами продолжали существовать. Удивительно, но ГДР только с этого времени взялась за развитие собственного семейного права, которое включало в себя проект, альтернативный буржуазной модели семьи. В соответствии с ним, семья должна была подчиняться требованиям социализма, благодаря чему государству было дано больше возможностей для вмешательства в дела семьи. Десять лет спустя в ФРГ была проведена реформа брачного и семейного права, которая пошла в противоположном направлении и подчеркнула индивидуальные права членов семьи, что в особенности пошло на пользу женщине и ребенку. Здесь Ноймайер видит главное различие между «либерально-демократическими» и «диктаторскими» системами: в то время как ФРГ адаптировала право и политику к меняющимся семейным практикам, ГДР использовала право, чтобы подогнать семейную жизнь под политический идеал. Заключительную главу автор посвящает вопросу, насколько в «долгие» 1970-е годы преобразование идеала семьи коррелировало с изменениями на уровне социальных практик. Пользуясь поддержкой со стороны науки и социально-либеральной коалиции, концепция семьи в ФРГ стала плюралистичной, и такие стигматизированные до того момента ее формы, как родители-одиночки и пары, не состоящие в браке, были признаны обществом. В то же время постепенно начинает завоевывать позиции новая норма партнерских отношений. Хотя оба процесса сопровождалась жесткими дебатами, даже в церковных кругах и ХДС/ХСС наметились осторожные сдвиги. Между тем, в ГДР партнерские отношения понимались иначе, а именно подчеркивались задачи, которые оба пола должны были выполнить на благо государства. В то же время, на уровне социальных практик различия меркли, поскольку перемены в обоих германских государствах происходили медленно. В целом, распределение обязанностей, как и прежде, было не в пользу женщин, оно увязло в бинарных ролевых моделях. Тем не менее, в XX в. семье уделялось неизменно большое внимание, как Ноймайер еще раз подчеркивает в заключении. Однако, насколько можно судить, прочитав книгу, в то же время велись интенсивные споры вокруг текущего состояния и будущего семьи. Идеалы и практики, следовательно, менялись не резко и радикально, а постепенно, в контексте долгих переговорных процессов. Отталкиваясь от известного тезиса исследователей эволюции

ценностей о том, что произошла «тихая революция» (“silent revolution”²), применительно к семье уместнее в этой связи говорить о ее «громкой эволюции» (с. 509).

Работа производит убедительное впечатление, давая возможность взглянуть на конфликты и контroversы с точки зрения политической истории, и тем самым выгодно отличается от предыдущих обзорных трудов, которые подходят к этому вопросу чаще всего с позиции социальной истории³. Несмотря на то, что в некоторых местах повторяются хорошо изученные факты, работа обогащает наше понимание семьи и ее трансформаций. Это особенно относится к сравнению института семьи в двух германских государствах. К сожалению, оно проводится непоследовательно, и остается неясным, почему такие актуальные темы как семейное насилие или новые представления об отцовстве и родительском попечении анализируются только на примере ФРГ. Даже если подобные процессы в ГДР не наблюдались в такой же степени или не обсуждались публично, нужно установить причины этого. Таким образом, сфера социальных практик, несмотря на отсылку к Андреасу Реквиту⁴, остается теоретически расплывчатой и эмпирически бледной. К примеру, неясно, что, собственно, представляют собой «семейные практики» и чем они отличаются от других практик. Далее Ноймайер утверждает, как уже упоминалось, что с точки зрения соотношения идеала и практик между демократическими и диктаторскими режимами была принципиальная разница. Если же мы примем во внимание воспитание в детских домах и помещение детей и подростков в лечебно-воспитательные учреждения в ФРГ (Ноймайер это опускает), контраст с ГДР – по крайней мере, вплоть до конца 1960-х гг. – не кажется таким разительным: пока речь шла о небуржуазных семьях, здесь также проводились попытки (в крайнем случае принудительно) подогнать их под пропагандируемую государством модель. И, наконец, недостаточно проблематизируется основополагающее различие между частным и общественным. Это отражается на анализе, который односторонне ограничивается вмешательством государства в жизнь семьи и ее политизацией, в то время как ее приватизация и деполитизация, нуждающиеся в объяснении историком, вовсе не рассматриваются автором⁵. Несмотря на эти замечания, ни один исследователь, который в будущем займется историей семьи, не обойдет стороной эту информативную книгу.

Перевод с немецкого: Елена Брагина (Elena Bragina)
Редакция перевода: Кирилл Левинсон (Kirill Levinson)

² Ср. в т.ч.: Andreas Gestrich, *Geschichte der Familie im 19. und 20. Jahrhundert*, München 1999; Michael Mitterauer / Reinhard Sieder, *Vom Patriarchat zur Partnerschaft. Zum Strukturwandel der Familie*, München 1977.

³ Ср.: Ronald Inglehart, *The Silent Revolution. Changing Values and Political Styles among Western Publics*, Princeton 1977.

⁴ Andreas Reckwitz, *Grundelemente einer Theorie sozialer Praktiken. Eine sozialtheoretische Perspektive*, in: *Zeitschrift für Soziologie* 32 (2003) 4, S. 282–301.

⁵ Вообще говоря, новым концептуальным подходам к истории семьи едва нашлось применение в работе. Например, мы не находим в оглавлении снискавшего много похвалы исследования Юргена Мартшуката. Ср.: Jürgen Martschukat, *Die Ordnung des Sozialen. Väter und Familien in der amerikanischen Geschichte seit 1770*, Frankfurt am Main 2013.

Erstveröffentlichung der Rezension in deutscher Sprache auf H-Soz-Kult am 06.03.2020:
Публикация рецензии на немецком языке на H-Soz-Kult от 6 марта 2020 г.:

Elisabeth Boeckl-Klamper: Rezension zu: *Grotum, Thomas (Hrsg.): Die Gestapo Trier. Beiträge zur Geschichte einer regionalen Verfolgungsbehörde. Köln 2018. ISBN 978-3-412-50914-9*, In: H-Soz-Kult, 06.03.2020, www.hsozkult.de/publicationreview/id/reb-28143.

Grotum, Thomas (Hrsg.): Die Gestapo Trier. Beiträge zur Geschichte einer regionalen Verfolgungsbehörde. Köln: Böhlau Verlag, 2018. – 365 S. – ISBN: 978-3-412-50914-9

Гротум, Томас (ред.): Трирское гестапо. Статьи по истории одного регионального репрессивного органа. Кёльн, 2018. – 365 с. – ISBN: 978-3-412-50914-9

Rezensentin: Elisabeth Boeckl-Klamper, Dokumentationsarchiv des österreichischen Widerstandes, Wien

Рецензент: Элизабет Бёкль-Клампер, Центр документации австрийского Сопротивления в Вене (Dokumentationsarchiv des österreichischen Widerstandes, Wien)

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2020-00028>

Данный сборник представляет собой предварительный результат многолетнего исследовательского проекта, посвященного истории регионального отдела трирского гестапо, который с 2011 г. осуществляется отделением истории Трирского университета в тесном сотрудничестве с прокуратурой г. Трира. Наряду с двумя статьями ответственного редактора-руководителя проекта в сборник также входят 14 статей, в основе которых лежат выпускные квалификационные и магистерские работы, написанные в процессе исследований в рамках проекта. Поскольку источниковая база по истории отдельных отделов гестапо обнаруживает значительные пробелы (к концу войны релевантные письменные свидетельства были либо систематически уничтожены сотрудниками гестапо, либо пострадали от бомбежек), студенческие работы, в первую очередь, базируются на документах, которые сперва еще нужно было разыскать и обработать в более чем 35 немецких и зарубежных организациях¹.

При выборе тем для отдельных статей авторы, как пишет в предисловии Томас Гротум, основывались на обнаруженных и обработанных к тому моменту источниках, а также на своих интересах к конкретным аспектам их содержания. Возможно, такой прагматический подход объясняет то, что статьи в сборнике не распределены по темам.

¹ Особенно релевантными для исследований оказались 3533 личных дела трирского отделения гестапо из французского Военного архива в Венсене.

Сильной стороной статей является то, что их авторам удалось реконструировать специфические области компетенций отдела гестапо в Трире, которые в значительной степени определялись территориальной близостью города к Саару, Люксембургу, Бельгии и Франции, и были тесно связаны с национал-социалистической политикой экспансии в Западную Европу.

Как показывает в своей статье Юстус Йохман (Justus Jochmann), Третье отделение управления гестапо в Трире – абвер (Abteilung III „Abwehr“) – еще до плебисцита о статусе Саарланда засылало шпионов и было, таким образом, непосредственно причастно к выслеживанию немецких эмигрантских организаций в Саарланде и Люксембурге, а также розыску люксембургских антифашистов. Благодаря добытым таким образом сведениям государственная полиция Трира после оккупации Великого Герцогства смогла в значительной степени участвовать в массовых арестах люксембургских антифашистов, а также преследовать тех немцев, которые работали в Люксембурге на французскую разведку – „Poste d’Alerte Luxembourg“ (сокр. „Polux“). Этот опыт трирской государственной полиции сыграл также решающую роль в том, что ее сотрудники составляли большую часть айнзацкоманды Люксембург – АКЛ (Einsatzkommando Luxemburg, EKL), которая была сформирована 16 августа 1940 г. и с весны 1941 г. находилась под управлением шефа трирского гестапо. В кадровом вопросе, как показывает в своей статье Катарина Клазен (Katharina Klasen), гестапо также была тесно связана с особым лагерем СС/концентрационным лагерем Хинцерт (Hinzert), в котором с лета 1940 г. были интернированы, прежде всего, политзаключенные из стран Бенилюкса и Франции². Персонал лагеря отбирал шеф трирского гестапо – руководитель АКЛ, причем частично рекрутируя кадры из своего отделения.

В фокусе внимания авторов большинства статей находится деятельность трирского отдела гестапо по преследованию и слежке за группами лиц, в которых национал-социалистический режим видел своих противников или же которые, по его мнению, были угрозой его стабильности.

К таким группам относились, как мы читаем в статье Ксении Штеле (Ksenia Stähle), и вернувшиеся в Германию бывшие военнослужащие Иностранного легиона (Fremdenlegion), которые, хоть и проходили после возвращения проверку в трирском гестапо и некоторое время находились под наблюдением, тем не менее, на удивление быстро были включены в состав вермахта. Особенностью отдела гестапо в Трире было, как показывает в своем исследовании Феликс Клорман (Felix Klormann), рассмотрение заявлений на т.н. «ре-германизацию» (Wiedereindeutschungsanträge). Такого рода заявления в гестапо могли подать польские подневольные работники, которые нарушили закон, вступив в отношения с «немецкими по крови» („deutschblütig“) женщинами. Встает вопрос, насколько, ввиду драконовских штрафов, ожидавших во время войны «остарбайтеров» за малейший проступок, в итоге значимой была эта сфера компетенций гестапо – тем более, что Клорман в своей статье не указывает, сколько подобных случаев и за какой промежуток времени действительно прошло через него.

Авторы двух других статей занимаются исследованием коммунистического движения сопротивления и его преследованием со стороны гестапо. Они приходят к выводу, что уже в 1936 г. это движение было разбито. Несмотря на то, что остальные исследования рассматривают случаи уголовного преследования со стороны гестапо за «преступное» прослушивание «вражеских» радиостанций („Rundfunkverbrechen“), а также его слежку за

² Позже в особом лагере СС/концентрационном лагере Хинцерт были интернированы заключенные со всей Европы.

католической Церковью и сельскими жителями, все же после изучения всех статей можно сделать вывод, что в связи с достигнутым широким консенсусом между местным населением и национал-социалистическим режимом едва ли можно говорить об организации сопротивления в регионе Трира. Объяснить это обстоятельство призваны как исторические, так и социологические реалии – например, преимущественно аграрная структура региона, а также сильная привязанность жителей к влиятельной католической церкви.

С началом массового распространения принудительного труда насильственно увезенных со своих территорий иностранных работников и военнопленных деятельность гестапо Трира резко изменилась. Как доказывает Мартин Шпира (Martin Spira) на основании ежедневных отчетов трирского отдела, «основную часть» ежедневной деятельности государственной полиции как раз составлял надзор за ними и их преследование.

В своей категоризации упомянутых в ежедневных отчетах лиц Шпира, по своим собственным словам, ориентируется на доступную онлайн базу ежедневных отчетов управления гестапо в Вене (Gestapoleitstelle Wien). Однако в основе этой базы данных лежит категоризация, предпринятая государственной полицией, и эта база данных отражает не только сферу деятельности венского управления гестапо, но и образы врагов национал-социалистической идеологии³. Из-за того, что Шпира, по его собственным словам, делает выполненную в ежедневных отчетах категоризацию более подробной, он не только ее искажает, но и способствует тому, что в ней больше не представлены евреи – главные жертвы преследования национал-социалистов.

Недочет данного сборника в том, что хотя в трех статьях и рассматривается история трирских евреев, но игнорируется роль гестапо в их преследовании и ограблении – из-за этого авторы опускают одну из важнейших функций гестапо – «расовой полиции». Один лишь Бенъямин Кёрфер (Benjamin Koerfer) кратко упоминает этот род деятельности гестапо в своей статье про депортацию трирских евреев в Лодзинское гетто.

Хотя авторам рассматриваемого сборника и удастся осветить отдельные аспекты повседневной деятельности трирского отдела гестапо, как ведомственный аппарат национал-социализма он остается нечетко обрисованным, поскольку не анализируются ни его организационные структуры, ни кадровый состав. Авторы также не уделяют внимания базовым характеристикам – таким, как, например, динамика кадровых изменений, которая значительно влияла на эффективность работы гестапо, поскольку, в зависимости от объемов работы, кадровые ресурсы могли перемещаться как внутри подразделений отделов гестапо, так и между единичными отделами.

Несмотря на указанные недостатки, данный сборник вносит ценный вклад в изучение современной истории. Надеемся, что, как и анонсировано, за ним последуют другие работы.

Перевод с немецкого: Елена Брагина (Elena Bragina)
Редакция перевода: Кирилл Левинсон (Kirill Levinson)

³ Elisabeth Boeckl-Klamper / Thomas Mang / Wolfgang Neugebauer, Gestapo-Leitstelle Wien 1938-1945, Wien 2018, S. 91.

Erstveröffentlichung der Rezension in deutscher Sprache auf H-Soz-Kult am 26.02.2020:
Публикация рецензии на немецком языке на H-Soz-Kult от 26 февраля 2020 г.:

Boris Gehlen: Rezension zu: *Bähr, Johannes; Kopper, Christopher: Industrie, Politik, Gesellschaft. Der BDI und seine Vorgänger 1919–1990. Göttingen 2019. ISBN 978-3-8353-3405-2*, In: H-Soz-Kult, 26.02.2020, www.hsozkult.de/publicationreview/id/reb-28475

Bähr, Johannes; Kopper, Christopher: Industrie, Politik, Gesellschaft. Der BDI und seine Vorgänger 1919-1990. Göttingen: Wallstein Verlag, 2019. – 376 S., 31 Abb. – ISBN: 978-3-8353-3405-2

Бер, Йоханнес; Коппер, Кристофер: Промышленность, политика, общество. Федеральный союз германской промышленности и его предшественники, 1919-1990 гг. Гёттинген: Валльштайн, 2019. – 376 с., 31 илл. - ISBN: 978-3-8353-3405-2

Rezensent: Boris Gehlen, Institut für Geschichtswissenschaft, Rheinische Friedrich-Wilhelms Universität Bonn / Institut für Zeitgeschichte München-Berlin

Рецензент: Борис Гелен, Институт по изучению истории, Рейнский Боннский университет Фридриха Вильгельма / Институт современной истории, Мюнхен-Берлин

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2020-00027>

После настоящего бума в истории общественных объединений, который пришелся преимущественно на 1970-е годы, долгое время в историографии царило затишье в исследовании организаций, лоббирующих определенные экономические интересы. Тогдашние исследования по истории ассоциаций были, главным образом, посвящены влиянию лоббирующих определенные интересы групп на принятие политических решений в кайзеровской Германии и Веймарской республике. Напротив, то, что ассоциации оказывали услуги своим членам, почти не изучалось исследователями. Данная работа – первый в своем роде общий обзор деятельности ведущей промышленной ассоциации, выполненный по заказу Федерального союза германской промышленности, – действует в русле устоявшейся исследовательской традиции и ставит вопрос о влиянии политических интересов заинтересованных групп в меняющихся внешних условиях (см. S. 13).

Работа делится на две части. Йоханнес Бер исследует время с момента основания Имперского союза германской промышленности (Reichsverband der deutschen Industrie) в 1919 г. до его преобразования в Федеральный союз германской промышленности (Bundesverband der deutschen Industrie) в конце 1940-х гг., включая ключевые направления кадровой и организационной политики. Кристофер Коппер занимается временным отрезком с 1950 г. до основания Европейского экономического и валютного союза. Структура работы Бера коррелирует с переломными моментами в германской экономике времен Веймарской

республики – периодами инфляции, стабилизации и кризиса, тогда как Коппер ориентируется преимущественно на сроки законодательных полномочий бундестага.

Неясно, вкладывал ли автор в такое деление работы какой-то содержательный посыл. Это, однако, было бы вполне оправдано, поскольку до 1933 г. Имперский союз активно занимался экономическими и социально-политическими темами, вынуждал правительства и министерства совершать те или иные шаги и использовал финансовые и пропагандистские средства, чтобы оказывать определяющее влияние на формирование правительств. В ФРГ, напротив, Федеральный союз действовал гораздо более сдержанно. Авторы исследования приходят к одному из важнейших выводов, что на протяжении XX в. отношение между «экономикой» и «политикой» эволюционировало: конфликтное противостояние сменяется формами партнерского взаимодействия. Федеральный союз извлек уроки, прежде всего, из мирового экономического кризиса и был лоялен к “конституционному строю ФРГ” – по мнению авторов, это можно констатировать так же как и то, что и вообще интересы Союза и властей все больше и больше совпадают: в намерении как проводить определенную политику внутри страны, так и ставить со стороны правительства ФРГ какие-либо цели в экономической и внешней политике (лишь за исключением эпохи Вилли Брандта, см. S. 348 f.).

С исторической точки зрения, история ассоциаций – это все же, в первую очередь, история конфликтов. Отсутствие единства в индустриальных кругах проявилось в том, что долгое время существовала не одна, а две крупных организации, представлявшие интересы промышленников: Центральное объединение германских промышленников, курировавшее «старые» отрасли промышленности (горнодобывающую, текстильную), и более юный Союз промышленников, представлявший интересы химической и электротехнической отраслей. И однако, даже после основания в 1919 г. единой головной ассоциации – Имперского союза германской промышленности – их интересы по-прежнему расходились: Центральное объединение ориентировалось преимущественно на внутренний рынок, в то время как Союз промышленников представлял экспортные отрасли. Еще и в первые годы существования ФРГ продолжались жаркие споры, в особенности, по социально-политическим и внешнеэкономическим вопросам, о чем свидетельствуют дебаты вокруг права рабочих участвовать и определять судьбу своих предприятий или вокруг закона о борьбе с ограничением конкуренции.

Ко времени образования Веймарской республики выработке политических ориентиров и стратегий мешало несовпадение интересов отраслей. Довершили картину социо-экономические кризисы: ни Имперский союз, ни политические деятели не могли конструктивно работать над своими будущими программами. Вместо этого, прежде всего, крупные промышленники, не имея единства в своих кругах, искали возможность упрочить свое экономическое положение политическими средствами, – нередко за счет средней промышленности и рабочих. Структурные подразделения Имперского союза были, прежде всего, представлены крупными промышленниками, которым, в конечном счете, несмотря на громкие имена – на ум приходит, например, Карл Дуйсберг, - не удалось сгладить конфликты, вызванные расхождением интересов: в то время, как Веймарская республика переживала кризис экономики и государственности, в Имперском союзе не было единства, он с трудом мог выражать интересы своих членов – тем более что многочисленные промышленные магнаты также прибегали к другим, прямым рычагам влияния, чтобы воздействовать на принятие политических решений.

Несмотря на раздававшуюся из собственных рядов критику (касавшуюся, в том числе, отстранения от должностей членов правления с еврейскими корнями) ослабленный Имперский союз, с 1931 г. под руководством Густава Круппа фон Болена и Гальбаха, в

большей или меньшей степени принял установление национал-социалистической диктатуры и включился в новую единообразную систему профессиональных и общественных организаций, учрежденную нацистами. В результате преобразования Имперского союза сначала в Имперское промышленное сословие (*Reichsstand Industrie*) в 1933 г., а затем – в Имперскую промышленную группу (*Reichsgruppe Industrie*) в 1934 г., его функции были сведены к оказанию услуг своим членам, а также национал-социалистической диктатуре и военной экономике. После Второй мировой войны будущее Союза стояло под вопросом, однако, в конце концов, ему удалось возродиться: мало известному до того момента предпринимателю Фрицу Бергу удалось фактически заново основать его – даже сумев почти полностью обойтись без кадров с нацистским прошлым, – в Федеральный союз немецкой промышленности. Принимая во внимание новый «формат» Союза, Бергу удалось эффективнее, чем это было раньше, учитывать интересы средней промышленности.

Берг опирается, прежде всего, на исследовательскую литературу по теме, которая имеется в больших количествах, его суждения обоснованы, а формулировки осмотрительны. Тем не менее, представляя Имперский союз в последние годы Веймарской республики, он преимущественно опирается на труды Райнхарда Неебе, а также придерживается некоторых вызывающих споры интерпретаций (см. S. 107), которые опроверг или в значительной степени показал их относительный характер Генри Тёрнер¹. Здесь, разумеется, речь идет о вопросах, допускающих разную интерпретацию, которые не имеют своей целью преуменьшить заслуги первой части исследования. Ощутимую пользу Бергу приносят его глубокие знания в области персоналий и экономически проблемных «зон» предприятий разных отраслей промышленности. Пусть и не много нового привнося в область исследования по существу, он выявляет кадровые, идейные и институциональные связи, на которые ранее в исследовательской литературе не делался такой явный акцент.

В отличие от Бера, у Кристофера Коппера была возможность опереться лишь на небольшой объем исследовательской литературы. Тем удивительнее, что он, судя по библиографическому списку, не рассматривает некоторые работы – из общего количества немногих для него релевантных². Коппер, прежде всего, анализировал протоколы заседаний руководящих органов Федерального союза и его документацию. В своем исследовании он четко и понятно излагает позицию Союза по вопросам экономической политики и констатирует, что в 1950-1960-е гг. в этих вопросах Союз был солидарен с позицией правительства ФРГ. Тот факт, что порой между ними были разногласия, не мог дать основания сделать вывод, что по принципиальным вопросам Союз и официальная (экономическая) политика не совпадали. Коппер концентрируется на таких глобальных направлениях экономической политики как социально-рыночная экономика, закон о борьбе с ограничением конкуренции, конъюнктурная политика, европейская интеграция – таким образом, изложенные им факты и выводы могут дать материал для будущего исследования, целью которого было бы проверить, действительно ли число и острота происходивших конфликтов уменьшились? Или же вероятнее, что благодаря подготовительной работе на нижних уровнях управленческой иерархии их удалось предвидеть и решить на

¹ Reinhard Neebe, *Großindustrie, Staat und NSDAP 1930-1933*. Paul Silverberg und der Reichsverband der Deutschen Industrien der Krise der Weimarer Republik, Göttingen 1981; Henry Ashby Turner jr., *Die Großunternehmer und der Aufstieg Hitlers*, Berlin 1985.

² Имеется в виду, прежде всего, диссертация: Tim Schanetzky, *Die große Ernüchterung. Wirtschaftspolitik, Expertise und Gesellschaft in der Bundesrepublik 1966 bis 1982*, Berlin 2007, и Volker Ebert, *Korporatismus zwischen Bonn und Brüssel. Die Beteiligung deutscher Unternehmensverbände an der Güterverkehrspolitik (1957-1972)*, Stuttgart 2010.

промежуточном уровне, прежде чем они были вынесены на обсуждение правлением Союза или же вообще транслированы вовне?

Непрерывно находясь с 1949 по 1971 гг. под управлением Фрица Берга, Федеральный союз изначально пользовался устоявшимися инструментами политики влияния. Адресатами влияния были, прежде всего, Христианско-демократический союз Германии и Свободная демократическая партия Германии, а также депутаты органов законодательной власти; с общественностью взаимодействовали пока еще редко. С этой точки зрения важнейшим институциональным новшеством стало основание в 1951 г. Германского промышленного института (das Deutsche Industrie-Institut) (сейчас – Институт германской экономики, Institut der deutschen Wirtschaft). С этого времени этот Институт стал подкреплять политические интересы научными аргументами, а также инициировать дискуссии «изнутри». Восточный комитет германской экономики (der Ost-Ausschuss), Германский комитет по взаимодействию культуры и экономики (der Kulturkreis) и ориентированный на малый и средний бизнес Промышленный кредитный банк (die Industriekreditbank), напротив, по сути не были новыми организациями, но идеологически опирались на Веймарскую республику: последний, в частности, – на Германский банк промышленных облигаций, который в 1931 г. лишился своей первоначальной задачи – осуществлять репарационные платежи, возложенные на германскую промышленность после Первой мировой войны – и при активном участии Имперского союза получил новую миссию – оказывать поддержку сельскому хозяйству и промышленным предприятиям малого и среднего бизнеса³.

С конца 1960-х гг. Федеральный союз стоял на пороге масштабных изменений. Все более и более критически он рассматривал политику социально-либеральной коалиции – прежде всего, увеличение госрасходов. Во время пребывания Вилли Брандта на посту канцлера практика лоббирования промышленниками своих интересов перестала считаться чем-то самым собой разумеющимся, и германские предприниматели, а также их ассоциации, вынуждены были легитимировать эту практику перед лицом общественности. Экономические кризисы 1970-х годов, а также очевидная неспособность предприятий адекватно реагировать на экономические вызовы времени, только обострили этот процесс. Прежде всего, провалившаяся попытка объявить Брандту вотум недоверия в 1972 г., при подготовке которого Федеральный союз всеми мыслимыми неформальными способами поддерживал Райнера Барцеля, косвенно повлияла на подразделения Союза. Отныне для укрепления своих позиций Федеральный союз стремился привлекать на свою сторону общественное мнение и представлять свои политические интересы более масштабно: на этапах, предшествовавших парламентскому обсуждению важных для промышленности законопроектов, все более важная роль стала отводиться референтам и (генеральным) директорам: они «подключались» после того, как до этого председатели совета директоров «зондировали почву», зачастую используя свои личные связи с политическими деятелями. К тому же, все больший вес в политических кругах обретали представители предприятий малого и среднего бизнеса. Уже во время канцлерского срока Гельмута Шмидта, который и без того был лоялен к экономическим интересам деловых кругов, были вновь быстро восстановлены стабильные отношения с властью: с тех пор Федеральный союз стали рассматривать как, прежде всего, политического советника, который, в отличие от Имперского союза времен Веймарской республики, ограничил политику своего влияния экономическими вопросами.

³ Siegfried C. Cassier, Unternehmerbank zwischen Staat und Markt 1924-1995. Der Weg der IKB Deutsche Industriebank, 3. Auflage. Frankfurt a.M. 1996.

Авторам книги удастся осуществить свое притязание дать общий обзор Федерального союза германской промышленности, пусть и преимущественно с точки зрения экономической политики. Размышляя об определении целей и выработке стратегий, о делегировании полномочий, о соотношении бюрократии внутри Союза и его руководства, о его ресурсах – таких как развитие своих членов и бюджет, авторы лишь подступают к ответам на эти вопросы или же не анализируют эти реалии систематически. Отсюда кажется, что немногие места, где прорабатывается методика и концепция исследования (см. S. 10 ff.), добавлены авторами только в силу требований к нему. К тому же, авторы концентрируются лишь на политологических подходах, оставляя без внимания рассмотрение экономики ассоциаций⁴. Достоинство данной, написанной доступным языком, работы, соответственно, прежде всего, в ее эмпирическом содержании и осуществленном в ней синтезе – что ни в коей мере не стоит считать малоценным.

Перевод с немецкого: Елена Брагина (Elena Bragina)
Редакция перевода: Кирилл Левинсон (Kirill Levinson)

⁴ См. классический труд: Mancur Olson, Die Logik des kollektiven Handels. Kollektivgüter und die Theorie der Gruppen, Tübingen 1968; обобщенно см.: Frank Daumann, Interessenverbände im politischen Prozeß. Eine Analyse auf Grundlage der Neuen Politischen Ökonomie, Tübingen 1999.

Stempin, Arkadiusz: Das vergessene Generalgouvernement. Die deutsche Besatzungspolitik im Kongresspolen 1914-1918. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2020. – 554 S. – ISBN 978-3-506-78552-7

Стемпин, Аркадиуш: Забытое генерал-губернаторство. Германская оккупационная политика в Конгрессовой Польше 1914-1918. Падерборн: Фердинанд Шёнинг, 2020. – 554 с. – ISBN 978-3-506-78552-7

Рецензент / Rezensent:
Леонтий Ланник / Leontij Lannik

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2020-00025>

За последнее десятилетие исследование трансформации постимперских пространств, особенно в Восточной и Южной Европе, отметилось зримыми успехами. Причины тому не только в необходимости переосмысления ряда мифов, базовых для национальных версий истории, но и в потребности в критической переоценке истоков международных конфликтов и столкновений, сказывающихся в исторической памяти до сих пор. Явно лидируют в создании нового витка историографии проблемы польские историки, которым удалось закрыть очередной и крайне заметный пробел в истории становления современной Польской республики. Новая работа краковского историка А. Стемпина посвящена первой германской оккупации Конгрессовой Польши, точнее северной ее части, находившейся под властью кайзеровской администрации с 1914-15 по 1918 – начало 1919 гг. Для общего уровня освещения данной проблемы достаточно упомянуть тот факт, что до сих пор в мировой историографии нет ни одной биографии генерал-полковника Г. фон Безелера, возглавлявшего Варшавское генерал-губернаторство.

Структура данного масштабного исследования построена по проблемному принципу, последовательно освещая наиболее насущные проблемы, с которыми приходилось сталкиваться как оккупантам, так и оккупированным: от общих организационных вопросов, до сложного комплекса мер и контрмер, призванных повысить явно недостаточную лояльность «освобожденной» Польши через сферы образования, культуры и церкви. Этим задается угол зрения и общие приоритеты исследования – культурная политика (С. 35), так что в отличие от немногочисленных прежних работ в данном исследовании лишь затрагиваются наиболее травматические и дискуссионные темы военных тягот, экономической эксплуатации и политических репрессий, а также национального притеснения, но без фокусировки на них. А. Стемпин исследует не менее важную, но долго бывшую в тени деятельность гражданской администрации, обращаясь к военному акценту в ее работе лишь по необходимости. Внушительный при всей его краткости обзор литературы при постановке исследовательских задач (С. 9-18) лишний раз убеждает в необходимости перехода к новому этапу историографии, в том числе на основе компаративного сравнения оккупационных режимов в различных подвергшихся захвату и эксплуатации регионах Европы. Автор констатирует и объективные причины сохранявшихся до сих пор пробелов в истории оккупированной Польши, в том числе гибели массы источников в пожарах и при разорении польских и германских архивов в 1939-1945 гг. Однако и эти трагические обстоятельства не помешали созданию действительно фундированного исследования на основе целого ряда хранилищ в ФРГ и Польской республике. Впечатляет и глубокое знание А. Стемпином относящейся к теме литературы, особенно межвоенного периода.

Следует признать, что автору удастся строго придерживаться избранного аспекта темы, не поддаваясь ни стереотипам (об антироссийских настроениях в Польше, например),

ни конъюнктурной или традиционной для польской историографии тематике явно национал-патриотического содержания. Именно поэтому в его работе не уделяется неоправданно большого внимания деятельности пилсудчиков и конфликтам командования легионов в том числе с германскими властями. При этом с базовым тезисом А. Стемпина о том, что политика в сфере культуры последовательно считалась важнейшим контрольным механизмом, (С. 58-63) можно только согласиться. Напрашивающееся расширение исследования за счет Люблинского генерал-губернаторства при желании сохранить столь же глубокий уровень анализа исключило бы компактность работы, ведь глубинные различия австро-венгерской и оккупационной политики потребовали бы 2-го тома, а также снизили бы анализ избранного предмета исследования в пользу длиннейшего сопоставления сходства и отличий в разделенном впервые за 100-летие (после Венского конгресса) и сравнительно монолитном регионе.

Автор последовательно стремится придерживаться лишь избранной темы. Поэтому в 1, 2 и 3-й главах, неизбежно имеющих оттенок своего рода введения и постановки базовых рамок для изучения дальнейших аспектов, он достаточно часто вынужден прибегать к обширным комментариям к основному тексту, которые его едва ли не заслоняют (С. 128-129, 143, 149). В них содержатся интересные цитаты из архивных источников и достаточно экономные пояснения по целому ряду смежных сюжетов, которые вполне заслуживали бы, чтобы включить их в базовую часть работы, тем более, что в них нередко содержатся отсылки к работам по интеллектуальной истории, либо проводятся параллели с аналогичными явлениями в других оккупированных или завоеванных территориях. Любопытны и те аспекты германской оккупационной политики, что А. Стемпин не стал выделять в особую линию исследования, хотя имел для этого достаточно материала и очевидно учитывал в своем анализе. Это, в первую очередь, относится к затяжному и комплексному противостоянию Германской империи и Австро-Венгрии за контроль и симпатии поляков именно в культурной сфере. Целый ряд приводимых автором деталей этого соперничества (см., напр. С. 151) подталкивает к выделению этой логической цепи в особый параграф едва ли не в каждой из тематических глав.

Помимо удачно разобранных А. Стемпиным перипетий борьбы за «моральное завоевание» польского академического сообщества – на примере восстановления Варшавского университета и его последующего закрытия (С. 167-189, 337-347) образцом рассмотрения истории идей в более теоретическом ключе является глава 5-я, о роли культурной политики как инструмента стабилизации власти, занимающая центральное место в книге в целом, а также базирующаяся на одном из самых развитых историографических направлений. Характерно, что автор смог воздержаться как от уклона, характерного для некогда господствовавшего в данной тематике *Ostforschung*'а, так и от свойственных польской историографии эмоциональных антипруских реминисценций антиколониальной тональности. Вероятно, впервые в исторической литературе была дана по-настоящему комплексная оценка долговременных последствий акта провозглашения независимости Польши от 5 ноября 1916 г. (С. 210-233), который до этого рассматривался в контексте в основном аннексионистских проектов и военно-мобилизационных усилий Центральных держав. Особо заострил внимание автор и на значении данного рубежа в прекращении германо-еврейского сближения 1914-1915 гг. (С. 463-470), сменившегося явным заигрыванием с польским национализмом, пусть и быстро окончившимся неудачей.

Последовательно рассматривая проблемы германской оккупационной политики в школе, при взаимодействии с католической церковью, а также в отношении протестантского немецкого меньшинства и приверженцев иудаизма, автор воздержался от отдельной главы о проблемах контактов с немногочисленными, но до 1915 г. непропорционально влиятельными в регионе православными клерикальными кругами. Это до некоторой степени можно объяснить массовым бегством столь явно пророссийской части населения и духовенства, однако не вполне корректно при желании дать действительно полную картину, либо последовательно проследить отсутствие

соответствующего направления в оккупационной политике вопреки фактическому положению дел (т.е. проживанию в Конгрессовой Польше большого количества прибывших из основной части Российской империи православных, а также принявших православие поляков). В исследованных им частных проблемах А. Стемпин метко указывает на крайне острые психологические моменты в развитии политики в столь «мирных» сферах как церковь, а также низшая и средняя школа, это отражают избранные им заголовки – «невралгический пункт», «квадратура круга», «между оболещением и дисциплинированием» и т.д.

Общие выводы к работе в 14 пунктах (С. 496-506) сжато и точно выражают основные результаты исследования, констатируя не только ряд неудач и отдельных успехов культурной политики Безелера и его борьбы против косности берлинских (и, следовало бы добавить, военных в Ставке) инстанций, но и призывом к дальнейшему исследованию оккупационной политики в Польше, в том числе в связи с важностью целого ряда аспектов военного опыта и иных граней оккупационной действительности (С. 506), с чем можно только солидаризоваться. При неизбежном и крайне актуальном вопросе о континуитете между двумя германскими оккупациями Польши, 1914-1918/19 и 1939-44/45, также нашедшем место в выводах и размышлениях (С. 505), было бы крайне полезно обратиться к закономерностям сходства и преемственности между германской оккупационной политикой и усилиями по интеграции Польши в Российскую империю, также вызывающих живой интерес современных исследователей в разных странах. Целый ряд отдельных подходов к этому автор сделал по ходу исследования (см., напр., С. 84-85, 306, 494), но пока не выделил в особое направление анализа. Особо необходимо отметить большой вклад сделанных автором выводов в возможное дальнейшее польско-германское примирение, ведь он не раз демонстрирует те аспекты германских усилий, за которые благодарности с польской стороны так и не последовало.

В порядке рекомендаций к продолжению работы следовало бы указать на не затронутый вопрос о переменах или выводах по опыту первой попытки оккупации крупной части Конгрессовой Польши, последовавшей с переменным успехом в сентябре-ноябре 1914 г. Некоторые уезды будущего генерал-губернаторства (и в центральной, и в северной Польше) испытали две, а то и три попытки оккупации, не раз переходя из рук в руки, что не могло не отразиться на общем отношении местного населения к германской администрации. Все предпосылки для более конкретного сравнения и оценки опыта, положенного в основу польской политики Германии уже после взятия Варшавы в начале августа 1915 г., в данной работе есть (см., напр. С. 38-46, или отдельно по еврейскому вопросу – С. 432-441). Несколько странным в своем презентизме выглядит «вывод» о том, что состав оккупационной администрации был исключительно мужским (С. 136), хотя стоило бы подчеркивать как специфику именно противоположный вариант, а не данный, единственно возможный в европейском обществе начала XX в., да еще в условиях войны. По итогам действительно масштабного и качественного исследования фактически не описан финал столь подробно рассматриваемых усилий, ведь это потребовало бы обращения к военно-политическим событиям, от чего А. Стемпин воздерживается, но в данном аспекте явно напрасно, ограничиваясь буквально парой фраз о событиях октября-ноября 1918 г. (С. 496-497). Между тем очень многое в последних месяцах существования Варшавского генерал-губернаторства крайне показательно для общего результата предпринимавшихся Безелером усилий. Следовало бы обратить внимание и на судьбу последнего после крушения всех его проектов в Польше, а также на историю тяжелой борьбы генерал-губернатора против не только австро-польского решения, но и brutальных планов и грубых просчетов зачастую антипольски настроенного высшего военного руководства Германии, а также ряда прусских политических деятелей. Без этого акторы германской политики в Польше (при общем положительном образе Безелера, едва ли не сочувствии ему, см., напр. 503-504) оказываются не слишком дифференцированы, а

трудности и успехи в поиске германо-польского компромисса в столь тяжелые годы могут быть недооценены читателями данной книги.

Klare, Kai-Achim: Imperium ante portas. Die deutsche Expansion in Mittel- und Osteuropa zwischen Weltpolitik und Lebensraum (1914-1918). Wiesbaden: Harrassowitz, 2020. – 588 S. – ISBN 978-3-447-11355-7

Кларе, Кай-Ахим: Imperium ante portas. Германская экспансия в Центральной и Восточной Европе между политикой мировой державы и жизненным пространством (1914-1918). Висбаден: Харрасовитц, 2020. – 588 с. – ISBN 978-3-447-11355-7

Рецензент / Rezensent:
Леонтий Ланник / Leontij Lannik

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2020-00024>

О германской экспансии на Восток в XX в. спорили много, однако в силу политизированности эта тема до сих пор не раскрыта сколько-нибудь полно ни в одной из национальных историографий. По итогам очередного, «юбилейного» этапа дискуссий о событиях Великой войны и ее последствиях неизбежно появление новых Standardwerke по данному вопросу, в том числе и в жанре общих работ. Претендентом на место в рамках нового витка историографии по целому ряду вопросов по истории германской гегемонии на Востоке в период Великой войны можно считать новую работу К.-А. Кларе на основе диссертации, защищенной в одном из центров германских исследований Восточной Европы – во Фрайбурге.

При поистине широко заявленной теме автор постарался сделать свое исследование по-настоящему эксклюзивным по целому ряду сюжетов, избегая дублирования и сводя к минимуму пересказ аспектов, которые можно было, по его мнению, представить на основе внушительного списка использованной литературы. Последний производит впечатление целым рядом эксклюзивных названий, однако бросается в глаза отсутствие в нем работ, опубликованных на славянских языках, в том числе на польском и русском, что – с учетом избранной темы – вызывает некоторое недоумение. При неизбежном затяжном вступлении к описанию экспансии Кайзеррейха в годы Великой войны автор «опускается» аж до 1650 г. (С. 29), хотя такая приблизительная дата выглядит не слишком обоснованной, даже при желании показать затяжной характер формирования целого ряда стереотипов и представлений о Востоке в немецкоязычной культурной среде, столь существенно повлиявших затем на многие направления и параметры германской оккупационной политики. Автор и сам не стал углубляться в период до 1850 г. (посвятив 200 годам около 10 страниц), причем очередной избранный им рубеж тоже выглядит несколько произвольным, так как не привязан к конкретным политическим событиям. Многие фразы автора в освещении далекой предыстории Великой войны (например, об Ольмюцком свидании, где Николай I якобы полагал прусского короля себе «конкурентом», С. 39) вызывают вопросы, однако ему удастся выделить базовые проблемы и задать целый ряд дихотомий (например, между империализмами, различными по типу, инструментарию и идеологии, а также между оккупационной политикой и Ostpolitik, между идеалами политики мировой державы и стремлением к обретению жизненного пространства), что крайне необходимо для подробного разбора и вполне убедительного опровержения многих утвердившихся в историографии с легкой руки В. Г. Люлявичюса утверждений о германской оккупации Восточной Европы в 1914-1918 гг. Это имеет особое значение для отечественных специалистов, часто продолжающих советскую традицию неоправданных обобщений любых экспансионистских программ и целей под произвольными ярлыками

«реакционных», «агрессивных», «юнкерско-буржуазных», то есть при крайне далеких от действительности и конкретного терминологического наполнения «приговорах».

Очевидно стремление автора не вдаваться в излишние подробности военного противостояния на Восточном фронте, а сосредоточиться на трансформации или углублении прежних ожиданий и стереотипов германских военных, администраторов и интеллектуалов о западе Российской империи, последовавшему благодаря перипетиям Великой войны. Прослеживая восприятие победоносных для Германии кампаний, К.-А. Кларе не только выделяет характерные черты, но порой при пересказе особенно значимых для него фрагментов из документов и публицистики фактически отказывается от критического их анализа, что создает впечатление согласия с приводимыми источниками, а не научной их оценки. Это видно, например, по тому, что автор – явно вслед за пропагандистской публицистикой – пишет, что Гинденбург и Людендорф «против ожиданий разбили считавшихся до этого непобедимыми русскими» (С. 125), что с учетом резкого падения престижа русской армии после войны с Японией 1904-1905 гг. выглядит как минимум странно. В современной историографии достаточно работ, демонстрирующих крайне скептическое (и даже чрезмерно снисходительное) отношение в германских военных кругах к России как военной державе как раз накануне Великой войны. В небольшой 4-й главе (С. 129-161) рассматривается целый спектр концепций переустройства Востока, что позволяет автору успешно развеять ряд предубеждений в адрес германского политика эпохи Великой войны. Это же позволило внести очередной вклад в ведущуюся уже около 60 лет дискуссию о германских целях в этом конфликте, проведя впоследствии (С. 164 и далее) сдержанную и аргументированную ревизию тезисов Ф. Фишера и его последователей.

5-я и 6-я главы очевидно отражают результаты основных исследований автора, который демонстрирует в них не только глубокое знание нюансов германской оккупационной политики, но и вводит в оборот огромное количество ранее почти не востребуемых источников из германских (в основном), но также и из литовских архивов. История Литвы в 1915-1918 гг. явно выделяется на фоне общего обзора различных регионов, оказавшихся под германской оккупацией. Достаточно подробно описана также участь Курляндии и ряда регионов Белоруссии, в том числе Беловежской пущи, но куда менее Польши, а также областей, подвергшихся менее продолжительной германской оккупации с осени 1917 г. (Рига, Моонзундские острова), а тем более – с конца февраля 1918 г. (Лифляндия, Эстляндия, Белоруссия, Украина, Крым, не говоря уже о Финляндии и Грузии, также попадающих в заявленные территориальные рамки исследования). На фоне прекрасно разобранный непростой управленческой структуры в «земле Обер Ост», целостного изложения сложного пути Тарибы к признанию Германией независимости Литвы, ряда интереснейших сюжетов из социально-экономической истории и военной повседневности земель, оказавшихся под Первой оккупацией, такое умалчивание о других западных окраинах Российской империи можно объяснить лишь расширением исходной темы, не вполне подкрепленным необходимым содержанием. Таким образом, если дискуссию с В. Г. Любявичюсом и рядом иных уже признанных специалистов по Обер Осту К.-А. Кларе выигрывает с завидным преимуществом (см., напр. С. 310-317, 443 и далее), то недоучет ряда важнейших работ по военно-политической и дипломатической истории приводит его к впечатлению о том, например, что германская Ostpolitik может быть диагностирована как едва ли не «шизофрения» (С. 291). При всей непоследовательности в целом ряде проектов и заявлений все же – особенно после работ В. Баумгарта и публикаций многочисленных источников авторства представителей различных германских элит – оснований для таких выводов попросту нет, ведь за каждым «странным или переменчивым» решением стоит тяжелейшая борьба различных инстанций, а также сложные межличностные конфликты. На примере политики в Обер Осте они хорошо известны автору, однако за пределами данной территории он найти соответствующие объяснения, по-видимому, не смог, что особенно бросается в глаза на примере явной недооценки роли

глав АА, особенно Р. фон Кюльмана и П. фон Хинтце в перипетиях *Ostpolitik*. При этом важнейшие совещания военно-политического руководства Германской империи в 1917-1918 гг. он рассмотрел достаточно подробно (С. 226-247, 295-299), да и конфликты между дипломатами и военными (Мальцаном и Людендорфом, например, С. 507-508) по ряду локальных проблем были ему известны.

По мере описания К.-А. Кларе усилий оккупационных администраций в различных округах и провинциях Обер Оста порой возникает ощущение, что автор не только ведет дискуссию с предшествующей традицией однозначного осуждения неприглядных сторон их политики, запоздало воздавая должное и явным успехам (например, в санитарно-гигиенической сфере, С. 388 и далее, в образовании и развитии агрокультуры и проч.), но и транслирует точку зрения авторов используемых им мемуарных источников (например, в авторстве Хеппе и Госслера). Ему удалось впервые дать представление о крайне сложной структуре взаимоотношений между различными инстанциями Обер Оста, вывести на авансцену основных действующих лиц в администрациях (князя Изенбурга, Эшериха и др., см. С. 324 и далее), было уделено заметное внимание антисемитским чертам и стереотипам в их политике, но при этом крайне мало сказано о массовом голоде и гибели населения на принудительных работах, о дискриминации целого ряда национальностей в ходе маневров различных германских политиков (в т.ч. М. Эрцбергера) между интересами польских и литовских националистов. Раскрывая крайне мало известную страницу о деятельности кружка интеллектуалов, собранного при штабах Обер Оста, К.-А. Кларе никак не оговаривает менее приглядные стороны истории Первой германской оккупации, без которых представление о финале ее в 1918-1919 гг. – не описываемом фактически никак (не считая нескольких абзацев о том, что происходило после Компьенского перемирия, С. 483-484) – оказывается несколько односторонним и неоправданно лестным для оккупировавшей стороны.

Со многими выводами автора (С. 489-518) – например, о неоднозначности оценок условий Версальского мира – вполне можно согласиться, ведь они основаны на констатации не столько давно известных фактов, сколько на оценке реально существовавших перспектив и долговременных последствий Первой оккупации. Это открывает важнейшую перспективу переоценки вопроса о преемственности в германской внешней политике в межвоенный период, подталкивает к отказу от порой неоправданного радикального противопоставления Кайзеррейха Веймарской республики или последней – Третьему рейху, как и от столь же необоснованных обобщений между ними, в том числе о прямых аналогиях в практике Первой и Второй, 1939-45 гг., оккупациях. Введенный К.-А. Кларе в научный оборот массив источников и информации позволяет заложить аргументационную базу для проверки многих высказывавшихся концепций транзита колониальных практик на территорию Восточной Европы, провести дифференцированный анализ различных моделей и путей «империализма». Исследование позволило автору прийти к ряду не только эффектных, но и верных оценок развития германской оккупационной политики, как правило не просто довольно комплексной, но и нередко оказывавшейся в патовой ситуации, незаметной для тех специалистов, которые были убеждены в элементарных средствах и мотивах ее проведения. Можно согласиться и с выводом о немалой роли не только импровизаций, но и случайностей в развитии «германской империи на Востоке», что позволяет надеяться на дальнейшее развитие исследований в данном направлении – исследования субъективных факторов в истории оккупационных режимов и вообще в эпоху тотальных войн, продемонстрировавшей еще раз, сколь «тонок был и остается налет цивилизации» (С. 518). Можно рассчитывать и на то, что книга К.-А. Кларе сможет поспособствовать новому витку компаративного анализа оккупаций различных регионов Европы.

В данной работе, исправляющей массу фактических ошибок и недоказанных утверждений в прошлой историографии вопроса, также допущен ряд неточностей (не считая опечаток), в основном в военно-политических вопросах. Это касается и данного

описания кампаний 1914-1916 гг. на Востоке (С. 90-115), остающегося в лучшем случае в рамках межвоенной традиции историографии Генерального штаба – о всепобеждающих германских войсках, – но в данном случае сокращенной, что только понижает общую точность изложения. Этот акцент только усиливается в связи с использованием довольно общих англосаксонских работ о кампании 1914 г. (Х. Стречена, Д. Стивенсона), не исправляющих старые ошибки, а зачастую их еще и усугубляющих, благодаря слабому знакомству с литературой на кириллице и некритическому использованию в основном англо- и франкоязычной мемуаристики. Бросается в глаза, что в ряде вполне релевантных вопросов автор ссылается на чрезмерно общие и небезупречные работы вместо использования академических исследований действительно высокого академического уровня. Так, при освещении перипетий мирных переговоров К.-А. Кларе ссылается на научно-популярную книгу Д. Кигана или на работу Х. Хауманна «История России» (! С. 116-117), хотя ему следовало бы по меньшей мере ознакомиться с корпусом опубликованных хотя бы на немецком языке источников по теме. Он пишет, что Минск был взят германскими войсками 9 марта (а на самом деле 21 февраля) 1918 г., то есть уже после подписания Брестского мира (! С. 120), а потому явно искажает логику наступления Центральных держав на Востоке. Это – лишь одно из следствий приблизительных представлений о тонкостях военно-политической истории кампании 1918 г. на Восточном фронте Первой мировой войны. От знатока тем, прямо связанных с историей Великой войны на Восточном фронте, следовало бы ожидать и ссылок не только на действительно ценный, но все же полувековой давности труд П. Кильмансегга. Примеры подобной неоптимальной, а то и подозрительно «общей» историографии при освещении не-центральных для автора тем можно продолжить. Есть неточности и в приводимой на форзаце карте оккупированных Германией в 1918 г. территорий бывшей Российской империи, где за пределами зоны Первой оккупации оказались (и совершенно напрасно) и Финляндия, и Ростов-на-Дону, и вся излучина Дона, и Грузия с Абхазией, зато был включен Новороссийск и вся западная Кубань чуть ли не до Екатеринодара, хотя в действительности оккупированный сектор и на Кубани, и на Дону был куда скромнее в размерах, а на Тамани и в Новороссийске германские войска появились в основном в июне 1918 г., а не весной (см. легенду к карте), а вот Ростов заняли еще 8 мая 1918 г. Судя по карте, приводимой К.-А. Кларе, Центральные державы заняли и всю территорию Румынии и Бессарабию, что совершенно не верно, ведь Бухарестский договор от 7 мая 1918 г. не предусматривал переход под их контроль земель, остававшихся под властью королевского правительства в Яссах. Границы Украины, указанные на карте, оговаривались в Универсале Рады, провозглашавшем не независимость, а автономию, а вот в Универсале, где говорилось о независимости Украины, последовавшем несколько позже (22 января 1918 г.), границы не указывались вовсе. Такие небрежности еще более бросаются в глаза на фоне почти безукоризненной карты зоны ответственности Обер Оста, что еще раз демонстрирует разницу в уровне освоения соответствующих разделов заявленной темы.

Подводя итог, следует еще раз констатировать ценность данного обобщающего труда, основанного на целом ряде впервые вводимых в научный оборот архивных источников, а также на все более востребованной исследователями литературе и публицистике первой половины XX в. Формулировку его темы следовало бы сузить до той, что отражала бы историю экспансии на территории Обер Оста, повествование о котором занимает не менее 40% объема, при том, что автор явно мог бы дополнительно расширить описание действительно тщательно исследованных им проблем, в том числе приложениями или отдельными публикациями проанализированных им личных фондов ряда деятелей германской оккупационной администрации.

Bachinger, Bernhard: Die Mittelmächte an der Saloniki-Front 1915-1918. Zwischen Zweck, Zwang und Zwist. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2019. – 406 S. – ISBN 978-3-506-78857-3

Бахингер, Бернхард: Центральные державы на Салоникском фронте в 1915-1918 гг. Между целесообразностью, нуждой и смутой. Падерборн: Фердинанд Шёнинг, 2019. – 406 с. – ISBN 978-3-506-78857-3

Рецензент / Rezensent:
Леонтий Ланник / Leontij Lannik

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2020-00023>

Историзация эпохи Великой и даже «более Великой» (1912-1923) войны в европейском массовом сознании и в историографии за последние 5-7 лет очевидно вышла на новый уровень. Этому способствовало огромное количество литературы и публикаций источников, выпущенных по случаю целой серии юбилеев событий вековой давности, знаковых для исторической памяти всех стран Европы. По мере интенсификации международных усилий ученого сообщества еще раз были констатированы по меньшей мере существенные, а то и критические лакуны, простирающиеся не только на отдельные эпизоды Великой войны, но и на целые фронты. Прямым следствием целенаправленных и успешных действий по решению данной проблемы стала новая работа австрийского историка Б. Бахингера.

В силу явного дефицита англо- и немецкоязычной литературы по истории Салоникского фронта Первой мировой войны автор вынужден был уделить огромное внимание достаточно общим проблемам истории Балканского региона (см., напр. обзор развития ситуации на Балканах в 1877-1915 гг., С. 27-69), делая это в ущерб более специфической проблематике. К некоторым экскурсам в смежные проблемы он вынужден был обращаться и в последующих главах своей работы (например, о деталях вступления Болгарии в Четверной союз, С. 91-114). Однако с учетом зачастую слабого знания фактологии военно-политической истории «забытых» регионов в историческом сообществе Б. Бахингер вполне оправданно потратил не менее 20% своего труда на напоминание и описание базовых проблем предыстории основного периода своего исследования, начало которого следовало бы датировать по меньшей мере декабрем 1915 г. Нежелание ограничиваться жанром case-studies и единственно верный, как представляется, коалиционный подход к рассмотрению событий 1915-1918 гг. только расширили рамки темы, сужение которых могло быть осуществлено только путем умолчаний и искажений. Несомненным достоинством труда является представленная в нем попытка ввести в оборот военные архивы (в том числе болгарские) и забытую военную публицистику из трех стран-членов Четверного союза. Примечательно, что автор не стал долго констатировать многочисленные проблемы в исследовании избранной темы или преувеличивать уникальность своих усилий, отметив постепенное улучшение ситуации со степенью исследованности проблемы (С. 13-18), но не скрыв сохранившихся серьезных упущений международной историографии.

Автор пунктуален и экономен в описании событий вокруг вступления Болгарии в Великую войну (С. 71-114), а также в общем обзоре военных действий и итогового крушения болгарской армии. Оно стало началом конца в противостоянии Центральных держав и Антанты и последовало в том числе из-за неверной оценки ситуации в германской Ставке, проиллюстрированного рядом удачных примеров из кампании 1918 г. (С. 155-158). По ходу 3-й и 4-й глав дается наглядное и лишнее излишних цифровых сводок

представление об общей динамике развития коалиционных действий Центральных держав на Салоникском фронте, что позволяет судить о закономерности их результата даже вне учета куда более широкой общей проблематики истощения стран Четверного союза к 1918 г. Б. Бахингер вносит ценный вклад и в рассмотрение более специальных военно-исторических проблем, обращаясь к приемам и механизмам принципиально неравновесного (во всех отношениях) взаимодействия союзников, постепенно выходя на уровень удачных сравнений (отраженных в заглавиях параграфов) и подталкивая к выводам о значимости психологических факторов, в том числе моделей восприятия, специфики коммуникации (с учетом языковых и ментальных проблем) между солдатами и командирами из разных стран. 6-я глава, где рассматривается целый ряд соответствующих сюжетов, достаточно кратко описывает уникальность ситуации, сложившейся на едва ли не самом «смешанном» из всех фронтов Великой войны, сложившемся на Салоникском театре военных действий. Необходимо отметить и вполне уместные с учетом описываемых проблем приложения, раскрывающие не только организационную структуру, но и демонстрирующие необходимые данные по проблеме военной помощи (С. 358-363), наиболее болезненной для всех союзников из-за дебатов о масштабах вклада каждой из них и взаимных упреков в неблагодарности и небескорыстии.

Именно поэтому финальная 7-я глава исследования посвящена целостному описанию коалиционных конфликтов, различных составляющих почти неизбежного разрыва, предотвращенного (или замаскированного?) под внезапное поражение и выход из войны одного из членов альянса. Общая логика изложения требовала от автора отказа от строгого соблюдения хронологического принципа, однако – несмотря на крайнюю сложность освещения ряда параллельных и взаимозависимых процессов – общая структура изложения в итоге предстает стройной и последовательной. Целый ряд поставленных ранее или упомянутых в ином контексте проблем (например, о взаимном восприятии, С. 252-265) лишь в этой главе получает развитие при освещении различных сценариев и поводов для нарастания конфликтов. В том числе при ухудшении отношений возымели эффект цепной реакции односторонние и стереотипные обвинения в жестокости, грабеже или в негуманности или роковой халатности (но лишь одной из союзных армий!), приведшей к поражениям, отразившихся на каждой из Центральных держав. По итогам этой главы с выводами автора о «вяло текущем, затянувшемся разрыве» союза (С. 335-344) можно только солидаризоваться.

Помимо в целом удачной логики и приемах изложения по-настоящему масштабно поставленной темы необходимо отметить и некоторые недостатки работы. Бросается в глаза едва ли не намеренный отказ Б. Бахингера от учета не обширной, но все же вполне релевантной литературы по истории Салоникского фронта из стран Антанты, в том числе военно-исторических трудов межвоенного периода. С учетом коалиционного подхода к освещению событий это было бы не просто оправданно, но и необходимо для качественного анализа стоявших перед Центральными державами проблем, а также добавило бы оттенков к избранным граням противостояния на низовом уровне (например, о нюансах российско-болгарского противостояния), позволило бы сделать ценные компаративные выводы о специфике или, напротив, закономерности целого ряда проблем во взаимодействии союзных стран по обе стороны фронта, тем более, что автор уделяет этому столь пристальное, оправданное, но явно одностороннее внимание (см. С. 309-342). При действительно необходимых экскурсах, наличии интересного иллюстративного материала и карт, должной последовательности в написании необходимой широкой панорамы событий вокруг Салоникского фронта Б. Бахингер не проявил. Он весьма скупно уделяет внимание целому ряду проблем, прямо относящихся к избранному предмету исследования. Можно было бы по меньшей мере ожидать более подробного описания Владайского восстания, действий Венизелоса и Антанты в Греции, особенностей германо- и австро-венгро-турецких отношений, деталей становления будущего Королевства сербов, хорватов и словенцев (при весьма пристальном внимании к проблеме этноконфессиональных

конфликтов в Македонии, С. 222-228). Весьма кратко освещен и своего рода эпилог Салоникского фронта – анабасис остатков германских и австро-венгерских войск за Дунай, их усилия уклониться от интернирования, судьбы основных военачальников Центральных держав в этом регионе (С. 162-164). Анализ коалиционной стратегии у Б. Бахингера дополнен модной в современной историографии оценкой субъективного фактора личностного инсценирования, династических PR-акций (С. 265-272). Однако на этом фоне еще более бросается в глаза недостаточное внимание к субъективным факторам и личностным связям военных элит, ведь в ином случае роль Г. фон Секта (совершенно не случайно более 3 лет последовательно занимавшего высшие посты на Салоникском фронте, при тесных личных контактах лично с царем Фердинандом, а затем в высших австро-венгерских, и в османских штабах) выглядела бы в данной книге совершенно иначе. Необходимую для этого литературу и источники (при общем преобладании у него австрийских, что по-своему естественно) автор использовал, однако должного места данному аспекту, занимающему центральное положение в проблеме коалиционного взаимодействия, не нашел.

Необходимо особо отметить не только удачные названия самой книги и подзаголовков, но и общий сравнительно легкий стиль изложения, отказ от злоупотребления специфической терминологией либо ссылок на действительно востребованных теоретиков современной методологии без какого-либо ущерба для общего высокого качества работы. В этом убеждают эффектно сгруппированные общие выводы по проблемам коалиционных действий Центральных держав на Балканах (С. 345-354), подтверждающие, что название работы в полной мере отражает результаты исследований автора. Таким образом, данное исследование следует признать удачным образцом нового базового труда по до сих пор крайне недостаточно исследованной проблематике, которое сочетает плюсы обзорного труда и достоинства обработки целого ряда новых источников, что должно будет спровоцировать новый виток историографии (с привлечением не использованных автором архивов) по действительно широкому кругу так или иначе затронутых Б. Бахингером проблем.

Schwinn, Thomas und Albert, Gert (Hrsg.): Alte Begriffe – Neue Probleme: Max Webers Soziologie im Lichte aktueller Problemstellungen. Tübingen: Mohr Siebeck, 2016. – IX, 465 S. – ISBN978-3-16-154194-0

Старые понятия – новые проблемы: социология Макса Вебера в свете актуальных постановок проблем. Под ред. Томаса Швинна и Герта Альберта. Тюбинген: МОР Зибек, 2016. – IX, 465 с. – ISBN978-3-16-154194-0

Рецензент / Rezensent:

Олег Кильдюшов / Oleg Kildyushov

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2020-00022>

На последние два десятилетия выпало сразу несколько круглых дат, связанных с именем Макса Вебера: в 2004 году отмечалось 100-летие его знаменитого труда «Протестантская этика и дух капитализма», в 2014-м – 150 лет со дня его рождения, а в 2020-м – 100-летия со дня смерти. Как принято в научном мире, эти юбилеи стали поводом для проведения тематических конференций, выхода новых биографий классика, а также для публикации подводящих некие итоги сборников трудов. Рецензируемый здесь том является таким продуктом коллективного обсуждения вопроса об актуальности веберовского теоретического наследия в 21 веке. Дискуссия на эту тему прошла в Гейдельберге в апреле 2014 года как раз по случаю 150-летия со дня рождения великого социального ученого. Книга адекватно отражает тематическую широту современных дебатов о Вебере – в нее вошли 18 статей, посвященных самым разнообразным актуальным сюжетам, начиная с религиозного фундаментализма и заканчивая нынешним потребительским капитализмом. Том посвящен памяти одного из авторов тома, выдающегося вебероведа Райнера М. Лепсиуса, скончавшегося до выхода сборника.

Редакторами-составителями книги выступили известные в мировом вебероведении знатоки творчества немецкого классика: профессор социологии Гейдельбергского университета Томас Швинн и профессор Международной профессиональной академии Герт Альберт. Среди релевантной библиографии Т. Швинна можно выделить его исследования веберовской программы в контексте истории социологии¹ и ее сопоставление с другими теоретическими подходами². Из последних по времени публикаций к тематике здесь обсуждаемой книги относится журнальная публикация исследователя, подводящая предварительные итоги вебероведческой дискуссии³, а также его работа о крупнейшем современном вебероведе Вольфганге Шлюхтере⁴. Среди значимых для нашей темы публикаций Г. Альберта можно выделить вызвавший большой интерес у специалистов сборник под его редакцией, посвященный продуктивности веберовской парадигмы социальных наук⁵.

Структурно сборник состоит из введения и девяти тематических разделов, охватывающих различные проблемные поля современных социальных наук: религиозный

¹ Schwinn Th.: Jenseits von Subjektivismus und Objektivismus. Max Weber, Alfred Schütz und Talcott Parsons, Berlin: Duncker & Humblot, 1993.

² Schwinn Th.: Max Weber und die Systemtheorie. Tübingen: Mohr Siebeck, 2013.

³ Klassikerdämmerung. 100 Jahre Max Weber im Kontext der Soziologiegeschichte und des aktuellen Zustandes unserer Disziplin. Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie 72 (2020), S. 351-381.

⁴ Schwinn Th.: Theorie als Beruf. Festschrift für Wolfgang Schluchter. Wiesbaden: Springer VS 2021 [im Erscheinen].

⁵ Das Weber-Paradigma: Studien zur Weiterentwicklung von Max Webers Forschungsprogramm/ hrsg. von Gert Albert u.a. Tübingen: Mohr Siebeck, 2003.

фундаментализм и секуляризация, новые формы национального и транснационального господства, капитализм современных финансовых рынков, культурсоциология, новые формы ведения жизни, актуальные варианты харизмы, потребление и социальное неравенство, исторический генезис и актуальное распространение модерна. Такая поразительная широта охвата авторами остроактуальных тем не могла не вызвать интереса со стороны исследовательского сообщества – как немецкоязычного, так и международного. Не остались в стороне и русские ученые, опубликовавшие в ведущих отечественных социологических журналах переводы нескольких статей из данного сборника. Хочется надеяться, что и другие материалы тома станут доступны русскоязычной научной общественности.

Во введении составители тома указывают на амбициозную задачу – преодолеть привычную рутину мысли с одними и теми же стандартными темами и попытаться развить социологию Макса Вебера путем ее столкновения с проблемами нынешней эпохи.⁶ По мнению многих рецензентов, эта задача была успешно решена авторами, так что теперь каждый, кто интересуется эвристическим потенциалом веберовской парадигмы для диагностики современности, может с большой пользой для себя обратиться к данному изданию. По сути, каждый из авторов рецензируемой здесь книги предложил свой оригинальный ответ на вопрос о том, как можно актуализировать классика уровня М. Вебера, когда уже исчерпаны интерпретации исключительно в рамках истории его рецепции или имманентной герменевтики самих трудов. Общим для них всех является убеждение в том, что актуальность веберовской социологии напрямую связана с ее способностью схватывать проблемы современной жизни и давать импульсы для их продуктивных интерпретаций. Применительно к различным субдисциплинам социальных наук этот теоретический вызов можно представить в ряде центральных вопросов: что дает социология религии Вебера для понимания сегодняшнего фундаментализма и секуляризма? Или его типология господства для анализа усиливающейся интернационализации политики? Насколько применим веберовский подход к капитализму к новейшим тенденциям на финансовых рынках 21 века? В какой степени изменились проблемы в сфере ведения жизни? И наконец: применима ли классическая концепция исторического генезиса модерна к текущим его формам и способам глобального распространения?

Материалы сборника отвечают на эти и связанные с ними вопросы и убеждают в том, что актуализация исследовательской программы Вебера по-прежнему возможна и желательна: в этом смысле «старые понятия» при умелом подходе к ним все еще продуктивны для анализа «новых проблем». Так, в первом разделе, посвященном биографическому измерению веберовского наследия, один из крупнейших знатоков творчества классика Райнер М. Лепсиус показал, что многие подходы социологов к актуальным проблемам до сих пор структурируются постановками вопросов у Макса Вебера. В начертанном им интеллектуальном портрете великого ученого абсолютно современными предстают такие проблемные комплексы, как национальное государство как политически дееспособная общность в глобальной экономической конкуренции или демократия как институционализированный конфликт за социальный порядок. Причем для Вебера все это в равной степени относилось как к сфере борьбы интересантов за власть/собственность, так и к идейной борьбе за желаемый образ человека (S. 28).

Однако каким именно образом типизирующие понятия Вебера сохраняют свою актуальность, несмотря на радикальное смещение фокуса «великих культурных проблем»? Этот вопрос критически исследует Г. Альберт, который выявил три стратегии, позволяющие избежать превращения классика в памятник: 1) применение старых идеальных типов (например, «харизмы») к новым проблемам; 2) разработка новых идеальных типов (например, «фундаментализм»); 3) превращение дескриптивных понятий

⁶ Швинн Т., Альберт Г. Старые понятия — новые проблемы: социология Макса Вебера в свете актуальных вызовов / Пер. с нем. Д.В. Катаева под ред. О. В. Кильдюшова // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 2. С. 198-217.

вроде «ведения жизни» в идеально-типические. Стоит ли говорить, что в рецензируемом здесь томе представлены все три подхода к актуализации классического понятийного языка.

Как точно заметил другой выдающийся веберовед Ханс-Гюнтер Хюбингер, авторы тома читают Вебера как классика современных социальных и культурных наук двумя принципиально различными способами: одни виртуозно экспериментируют с его понятиями в отдельных областях исследования, другие же помещают его в контекст новейших глобально-исторических или макросоциологических исследований и пытаются понять, насколько продуктивен веберовский нарратив для понимания нынешнего мира модерна.

Из отдельных статей тома, вызвавших наибольший интерес у исследовательского сообщества можно выделить работу еще одного крупного знатока веберовского наследия, профессора Берлинского университета имени Гумбольдта Ханса-Петера Мюллера. Этот исследователь разработал продуктивную аналитическую модель, восходящую к веберовской социологии культуры и позволяющую изучать сегодняшние образцы ведения жизни – неустойчивые, гибкие, креативные, дигитальные и т.д. Антропологический взгляд Вебера был направлен на взаимовлияние форм жизненного порядка и способов ведения жизни. Продолжая эту линию, Г.-П. Мюллер исследует вопрос о том, какие формы индивидуального ведения жизни при каких рамочных социальных, политических и культурных порядках возможны в условиях позднего модерна⁷.

Еще один материал, также привлечший внимание научной общественности, принадлежит перу одного из составителей – Т. Швинну. Исходя из того принципа, что актуализация Вебера требует аргументацию против Вебера, исследователь применяет категории веберовской социологии религии против тезиса о неизбежной европеизации Америки посредством современной бюрократии. Он показывает, что благодаря многократному трансферу религиозных ценностей США сформировали собственную форму современности, благоприятствующую – в отличие от Европы – более отчетливому прагматизму, популизму и антиинтеллектуализму⁸.

В целом книга «Старые понятия – новые проблемы» представляет собой блестящее собрание продуктивных исследовательских подходов к классическому теоретическому наследию, позволяющих при этом получать более ясное представление о кризисных тенденциях нашей собственной эпохи.

⁷ Мюллер Г.-П. Ведение жизни: систематический очерк в контексте исследовательской программы Макса Вебера / Пер. с нем.: О. В. Кильдюшов // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 3. С. 111-135.

⁸ Швинн Т. От сравнительной социологии религии к сравнительной политической социологии. Макс Вебер и множественность модернов // Социологические исследования. 2018. № 1 (405). С. 121-131; Швинн Т. Макс Вебер о роли протестантизма в становлении гражданской политической культуры в США // Социологические исследования. 2020. № 6. С. 42-50.

Andreas Anter/Stefan Breuer (Hrsg.): Max Webers Staatssoziologie. Positionen und Perspektiven. 2. überarbeitete Auflage. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 2016. (= Staatsverständnisse, Band 15). – 205 S. – ISBN: 978-3-8487-2730-8

Социология Макса Вебера. Позиции и перспективы. Под ред. Андреаса Антера и Штефана Бройера. 2-е перераб. изд. Баден-Баден: Номос Ферлагсгезельшафт, 2016. (серия «Осмысление государства», том 15). – 205 с. – ISBN: 978-3-8487-2730-8

Рецензент / Rezensent:

Олег Кильдюшов / Oleg Kildyushov

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2020-00021>

Рецензируемая здесь книга представляется собой второе, актуализированное издание сборника работ известных ученых из трех европейских стран (Германия, Франция, Швейцария), посвященных анализу веберовского понимания современного государства – причем из гетерогенных дисциплинарных и теоретических перспектив. Вышедшее в 2007 году первое издание вызвало большой интерес у немецкоязычного исследовательского сообщества, что отразилось в многочисленных откликах на том в профильных журналах различных дисциплин¹. Это объясняется уже тем, что среди авторов сборника – политологи, социологи, философы, юристы и историки. Его редакторы-составители профессор политических наук Эрфуртского университета Андреас Антер² и бывший профессор социологии Гамбургского университета Штефан Бройер являются при этом крупными знатоками творчества Макса Вебера.

Например, профессор Бройер исследует идейное наследие классика мировой социологии еще с 1970-х годов, когда вышла его первая работа о соотношении рациональности и господства у Вебера³. Далее последовали важные публикации ученого по веберовской социологии права⁴, по политической социологии⁵, о взаимоотношениях Вебера с крупным юристом Георгом Йеллинеком⁶ и др. Мировое вебероведение отметило должным образом и книгу Ш. Бройера «Трагическая социология Макса Вебера»⁷. Другая его книга посвящена ключевому для веберовской социологии понятию «господство»⁸. Последние по времени выходы работы ученого посвящены Карлу Шмитту в интеллектуальном контексте Веймарской эпохи⁹, ранним формам государства,

¹ *Matthias Wolfes*, in: Jahrbuch zur Liberalismus-Forschung 29 (2017); *Jens Greve*, in: Soziologische Revue, Jg. 32, Heft 4/2009, S. 415-418; *Steven Schäller*, in: Der Staat, Jg. 48, Heft 2/2009, S. 313-315; *Frank Schale*, in: Zeitschrift für Politikwissenschaft, Jg. 18, Heft 3/2008.

² Подробнее о нем можно узнать из помещенной в этом же выпуске рецензии на его книгу «Макс Вебер и учение о государственном праве».

³ *Stefan Breuer*: Die Evolution der Disziplin. Zum Verhältnis von Rationalität und Herrschaft in Max Webers Theorie der vorrationalen Welt, in: Kölner Zeitschrift für Soziologie 30, S. 409-437.

⁴ *Stefan Breuer, Hubert Treiber (Hrsg.) Zur Rechtssoziologie Max Webers: Interpretation, Kritik, Weiterentwicklung*. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1984.

⁵ *Stefan Breuer*: Bürokratie und Charisma: zur politischen Soziologie Max Webers. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1994.

⁶ *Stefan Breuer*: Georg Jellinek und Max Weber: von der sozialen zur soziologischen Staatslehre. Baden-Baden: Nomos, 1999.

⁷ *Stefan Breuer*: Max Webers tragische Soziologie: Aspekte und Perspektiven. Tübingen: Mohr Siebeck, 2006.

⁸ *Stefan Breuer*: „Herrschaft“ in der Soziologie Max Webers. Wiesbaden: Harrassowitz, 2011.

⁹ *Stefan Breuer*: Carl Schmitt im Kontext: Intellektuellenpolitik in der Weimarer Republik. Berlin: Akademie-Verlag, 2012.

харизматическому господству¹⁰, а также ключевым понятиям Критической теории¹¹. К сожалению, пока его работы не известны даже подготовленному русскому читателю...

Выход в рамках тематической серии «Осмысление государства» отдельного тома, в котором обсуждаются веберовские идеи, выглядит вполне обоснованным, так как они уже давно стали каноническими для анализа государственности современного типа. В первую очередь это касается знаменитой формулы классика социологии о государственной монополии на физическое насилие, а также вопросов рациональности и легитимности господства. В этом смысле некоторые формулировки М. Вебера ничуть не уступают в популярности таким же хрестоматийным формулам Н. Макиавелли, Т. Гоббса, Ж.Ж. Руссо и прочно вошли как в теоретический дискурс модерна, так и в политическую публицистику.

При этом Макс Вебер не оставил после себя некой законченной социологии государства, так что его размышления на релевантные темы остались фрагментарными, что лишь усиливает возможность различных интерпретаций его представлений. Собственно, именно это и сделали авторы сборника, предложившие свои версии прочтения веберовского понимания государства модерна. Как отмечают редакторы-составители в своем предисловии ко 2-му изданию, строго говоря, государство не является объектом первостепенного интереса у Вебера, хотя постоянно присутствует в его трудах в том или ином виде, начиная еще с аграрно-социологических исследований 1890-х годов. В наиболее явном виде оно предстает в его знаменитой Фрайбургской речи «Национальное государство и народнохозяйственная политика», но отдельные аспекты государственного господства затрагиваются также в работах по социальной и хозяйственной истории античности, в «Хозяйственной этике мировых религий» и т.д. И даже в примыкающем к социологии религии концептуальном «Промежуточном рассуждении» содержатся важные размышления великого ученого о соотношении этики братства и насилия (S. 7).

Структурно том состоит из трех содержательных и одного технического разделов. Тематически тексты объединены в три крупных проблемных комплекса. Представим кратко вошедшие в них статьи. Раздел I. «Понимание государства у Макса Вебера» состоит из трех материалов. Первый текст на тему «Социология государства Макса Вебера в контексте своей эпохи» принадлежит перу одного из составителей сборника *А. Антеру*. В ней он реконструирует государственно-теоретические позиции классика, сопоставляя их с другими подходами к государству, конкурировавшими за доминирование на рубеже 19 и 20 веков (государственное право, «социологическая идея государства» и др.). При этом уникальностью именно веберовского понимания государства исследователь называет его укорененность одновременно в теории социального действия и теории господства.

Вторая статья сборника под названием «Монополия на легитимное насилие» написана крупной французской исследовательницей *Катрин Коллио-Телен*. Отмечая влияние веберовской формулы, она указывает на некоторые спорные моменты концепта, отмеченные его критиками за 100 лет дискуссии. При этом реконструируется идейная генеалогия самой этой формулы у Вебера, появляющейся у него в привычном нам виде довольно поздно – незадолго до смерти (1919). Далее показано движение веберовской мысли от особых прав властителя к правам на территорию, что неизбежно ставит вопрос о теории суверенитета у Вебера.

В третьем материале «Пути к государству» другой редактор тома *Ш. Бройер* исследует текстологические моменты систематического веберовского интереса к проблематике государства, начиная с его работы 1908 года об аграрных отношениях в древности. При этом исходным для автора является известное высказывание Карла Шмитта о том, что именно Вебер придал понятию «государства» исторически-конкретный смысл современной формы государственности. По мнению исследователя, несмотря на строгую

¹⁰ *Stefan Breuer: Der charismatische Staat: Ursprünge und Frühformen staatlicher Herrschaft. Wissenschaftliche Buchgesellschaft, Darmstadt 2014,*

¹¹ *Stefan Breuer: Kritische Theorie. Schlüsselbegriffe, Kontroversen, Grenzen. Tübingen: Mohr Siebeck, 2016.*

концептуальную привязку понятия данного института к результатам и процессам западной рационализации, сам классик в своих работах не придерживался данного постулата, что позволило ему сделать много ценных выводов о роли традиции и харизмы для возникновения господства.

Теме II. «Государство, право, нация» посвящены две статьи – *Зигфрид Хермес* поделился своими «Размышлениями о социологической теории союзов у Макса Вебера», а *Зигфрид Вайхляйн* представил текст под названием «Макс Вебер, современное государство и нация». Как показывают авторы данных статей, веберовский анализ государства парадоксальным образом полностью затмевает те коннотации, что сам пламенный националист Вебер связывал с понятием «нация»: в модерном государстве происходит огосударствление политики, проявляющееся в огосударствлении нации и суверенитета. В результате не остается места для той эмоциональности и радикализма, что были свойственны некоторым его публицистическим статьям...

В разделе III. «Бюрократия, демократия, харизма» *Хуберт Трайбер* исследует проблему «Современное государство и современная бюрократия у Макса Вебера», а *Кристоф Шенбергер* анализирует «Демократию у Макса Вебера как утопический контр-принцип по отношению к бюрократическому господству». В последней статье сборника известный историк *Ганс-Ульрих Велер* обсуждает «аналитический потенциал концепта «харизма»», применяя его к режиму А. Гитлера.

И хотя представленные в книге исследования не принадлежат одной научной школе или методологическому подходу, а связаны скорее общим предметом – современным государством, их выводы могут представлять интерес для каждого, кто пытается с помощью веберовской социологии приблизиться к пониманию феноменов современного господства.

Anter, Andreas: Max Weber und die Staatsrechtslehre. Tübingen: Mohr Siebeck, 2016. – XIV, 240 S. – ISBN: 978-3-16-154732-4

Антер, Андреас: Макс Вебер и учение о государственном праве. Тюбинген: МОР Зибек, 2016. – XIV, 240 с. – ISBN: 978-3-16-154732-4

Рецензент / Rezensent:

Олег Кильдюшов / Oleg Kildyushov

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2020-00020>

В феврале 1919 года Макс Вебер получил приглашение от юридического факультета Боннского университета, однако в конечном счете занял кафедру теории общества, экономической истории и политэкономии в Мюнхене. Как известно, по образованию, классик социологии был именно юристом и обе его диссертации были посвящены правовым аспектам хозяйственной истории. В этой связи вполне легитимен вопрос – насколько изменилось бы наше восприятие Вебера, если бы он вернулся к первоначальной дисциплине. В своей последней книге известный немецкий веберовед, профессор политических наук Эрфуртского университета Андреас Антер убедительно показывает, что несмотря на свои знаменитые работы в области политэкономии и социологии, Вебер всю свою жизнь оставался ученым-юристом, причем его труды несут на себе отпечаток именно тогдашнего учения о государственном праве. Более того, основатель социологии сам стал предметом профессиональных дебатов среди немецких юристов, причем его взгляды часто воспринимались довольно амбивалентно ведущими правоведами Веймарской республики, в разработке конституции которой он участвовал в качестве советника. Таким образом, рецензируемая здесь книга представляет собой попытку ответить на ряд связанных с этим вопросов: какие авторы второй половины 19 века были важны для Вебера и сильнее всего повлияли на его взгляды на государство и право? Как его работы воспринимали такие выдающиеся юристы 20 века, как Карл Шмитт, Герман Хеллер, Ганс Кельзен и Рудольф Сменд? Можно ли найти следы веберовского влияния в Основном законе ФРГ? Каков его статус в сегодняшнем дискурсе немецкого государственного права? В каком мере Макс Вебер все еще релевантен для решения сегодняшних государственно-правовых проблем?

Нужно отметить, что А. Антер давно исследует веберовское теоретическое наследие – еще его диссертация 1993 года была посвящена взглядам классика на современное государство¹. Он также выступил редактором тематических изданий, посвященных различным аспектам творчества великого социального теоретика – например, его пониманию бюрократии² или его социологии государства³. И другие работы этого исследователя так или иначе связаны с проблематикой, являвшейся центральной и для самого Вебера. Так, тема его второй докторской диссертации – порядок как базовая политическая категория⁴, в других его трудах обсуждаются теории власти⁵ или концепты

¹ *Andreas Anter: Max Webers Theorie des modernen Staates. Herkunft, Struktur und Bedeutung. 3. Aufl. Berlin: Duncker & Humblot, 2014 (1. Aufl. 1995).*

² *Max Weber und die Bürokratie / Max Weber et la bureaucratie. – Sous la direction de Andreas Anter, Hinnerk Bruhns et Patrice Duran // Trivium. Zeitschrift für Geistes- und Sozialwissenschaften, 7/2010.*

³ *Andreas Anter, Stefan Breuer (Hrsg.) Max Webers Staatssoziologie. Positionen und Perspektiven 2. Auflage, Baden-Baden: Nomos, 2016.*

⁴ *Andreas Anter: Die Macht der Ordnung. Aspekte einer Grundkategorie des Politischen, 2. Aufl. Tübingen: Mohr Siebeck, 2007 (1. Aufl. 2004).*

⁵ *Andreas Anter: Theorien der Macht zur Einführung. 4. Aufl. Hamburg: Junius Verlag, 2018 (1. Aufl. 2012).*

государства в политической науке ФРГ⁶. Отдельные публикации ученого посвящены таким вопросам, как понимание государства у выдающего юриста, современника и друга М. Вебера Георга Йеллинека⁷ или оригинальному подходу к политическому у его собственного университетского учителя Вильгельма Хенниса⁸. Последний по времени том, вышедший под редакцией А. Антера, затрагивает взаимоотношения между политикой, правом и религией⁹. К сожалению, до сих пор ни одна из его работ не переведена на русский язык...

Структурно книга состоит из трех примерно равных по объему частей. В *первой* части, носящей название «Вебер и учение о государственном праве его эпохи», автор анализирует соотношение веберовских взглядов на государство с позициями его академических учителей, среди которых были выдающие юристы конца 19 – начала 20 века: Рудольф фон Гнейст, Отто фон Гирке, Рудольф Зом и Левин Гольдшмидт. Сначала (глава I. «Макс Вебер между учением о государственном праве и социологией государства») исследователь реконструирует общую ситуацию государственного права в Германской империи второй половины 19 века, на которую должен был реагировать Вебер. Здесь же обсуждаются вопросы метода тогдашнего юридического мышления, представления эпохи о господстве, а также возникшая на рубеже столетий ранняя «социология государства».

Далее (глава II. «Макс Вебер по следам Георга Йеллинека») обсуждается проблема ценностных суждений у двух выдающихся ученых и их взгляды на цели государства. Отдельный параграф посвящен вопросу образования идеальных типов: если Вебер уже в ранних своих работах о сельскохозяйственных рабочих предстает как «страстный типизатор» (S. 35), а далее постоянно пытается разработать типологии – например, господства, городов, социального действия или правового мышления, то Йеллинек в своей методологии вычленения «бросающихся в глаза общих, повторяющихся элементов» различал как «идеальный тип», так и «эмпирический тип»: если первый можно считать своеобразной антропологической константой поиска лучшего государства, то второй, напротив, образовывался путем сравнительно-исторического исследования, выделяющего «общий для разных явлений логический момент» (S. 37). Стоит ли говорить, что знаменитый веберовский «идеальный тип» очень близок к «эмпирическому типу Г. Йеллинека!

Глава III. Первого раздела называется «Макс Вебер и Рудольф Зом: теория государства и государственное церковное право» и соответственно посвящена влиянию на Вебера его университетского учителя Зоме. В ней обсуждаются такие проблемы, как государство и Реформация, рационализм внутри церковного права, истоки веберовского представления о государстве как учреждении, а также судьба важнейшего для классика социологии понятия харизма (S. 62-66).

Вторая часть книги «Макс Вебер и Веймарское учение о государстве» посвящена исследованию вопроса о рецепции веберовских государственно-правовых идей в первой немецкой демократической республике 1920-1930-х годов. При этом главными героями данного раздела выступают выдающиеся правоведы 20 века, взгляды которых обсуждаются в соответствующих главах: глава IV. «Герман Геллер как осторожный веберианец»), глава V. «Карл Шмитт как оппонент Макса Вебера»), глава VI. «Рудольф Сменд как боец с тенью Макса Вебера» и глава VII. «Карл Левенштайн как апологет Макса Вебера». Как показывают сами заголовки глав данной части тома, и веберовское понимание государства модерна, и его методологические подходы к материалу стали предметом острых споров в

⁶ Andreas Anter, Wilhelm Bleek: Staatskonzepte. Die Theorien der bundesdeutschen Politikwissenschaft, Frankfurt/New York: Campus, 2013.

⁷ Andreas Anter (Hrsg.) Die normative Kraft des Faktischen. Das Staatsverständnis Georg Jellineks 2. Auflage, Baden-Baden: Nomos 2020 (1. Aufl. 2004).

⁸ Andreas Anter (Hrsg.) Wilhelm Hennis' Politische Wissenschaft. Fragestellungen und Diagnosen, Tübingen: Mohr Siebeck, 2013.

⁹ Andreas Anter, Verena Frick (Hrsg.) Politik, Recht und Religion. Tübingen: Mohr Siebeck 2019.

годы Веймарской республики. При этом спектр реакций простирается от эмпатического одобрения до резкого неприятия.

Заключительная, *третья* часть, называется «Макс Вебер и учение о государственном праве сегодня». В ней А. Антер анализирует всплеск резкой критики Вебера в послевоенной Германии, связанный с дебатами о нем как «идеологе плебисцитарного вождистского государства» и закончившийся к середине 1960-х годов вместе с волной веберовского ренессанса. Именно в это время в исследовательской среде усилилось понимание роли Вебера как теоретика парламентской демократии, влияния его конституционно-политических работ на Веймарскую конституцию, а также его практического участия в ее разработке в качестве советника конституционной комиссии. Главы данного раздела посвящены следующим темам, связанными с веберовским конституционализмом: глава VIII называется «Макс Вебер и Основной закон», глава IX – «Монополия государства на насилие» и, наконец, глава X – «Макс Вебер, супербюрократия ЕС и мир современных государств».

Завершается исследование важными для мирового вебероведения выводами автора о том, что несмотря на жалобы со стороны другого классика социологии Вернера Зомбарта на полную веберизацию науки, при детальном изучении восприятие наследия Макса Вебера в учении о государственном праве оказывается довольно искаженным в результате селективной рецепции и типичного для той или иной эпохи непонимания некоторых его идей. Как показал А. Антер, среди юристов как Веймарской республики, так и молодой Федеративной республики было распространено довольно амбивалентное отношение к Веберу как теоретику государства. При этом многие его взгляды на положение парламента, принцип репрезентации и государственную монополию на насилие вполне близки к доминирующим в государственном праве ФРГ позициям. И хотя Вебер-конституционалист чрезвычайно далек от нынешнего социального государства, транснационального правового режима и европейской модели интеграции, его важнейшие понятия сохраняют свою актуальность в современной дискуссии. В этом смысле великого социального теоретика можно считать не только соавтором Веймарской конституции, но и духовным отцом Основного закона ФРГ 1949 года (S. 193).

Spenkuch, Hartwin: Preußen – Eine besondere Geschichte. Staat, Wirtschaft, Gesellschaft und Kultur 1648-1947. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2019. – 532 S. – ISBN: 978-3-525-35209-0

Шпенкух, Хартвин: Пруссия – особенная история. Государство, хозяйство, общество и культура 1648-1947. Гёттинген: Фанденхёк Рупрехт, 2019. – 532 с. – ISBN: 3-525-35209-0

Рецензент / Rezensent:
Тимофей Дмитриев / Timofey Dmitriev

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2020-00019>

Книга Хартвина Шпенкуха, сотрудника Берлинско-Бранденбургской Академии наук по политической и культурной истории Пруссии, посвящена систематического обзору основных вех и сторон прусской истории второй половины XVII – первой половины XX вв. Начиная с раннего Нового времени и заканчивая XX столетием включительно история Пруссии составляла предмет интереса для историков в силу целого ряда причин: своеобразного положения страны между Западом и Востоком; противоречия между тягой к внутренней государственной централизации и тенденциями к регионализму; в силу своей особенной военной организации и вмешательства государства в хозяйственную жизнь, своеобразия устройства руководящих элитных групп и способов обращения с религиозными и национальными меньшинствами, а также благодаря той роли, которую играли ее культура, система образования, наука и церковь. Тем не менее, со временем как интересы исследователей, так и методы исследования менялись. После объединения Германии в 1990-е годы в исследованиях истории Пруссии на первый план выходят культурологические и постнациональные подходы, благодаря чему фокус исследований все больше смещается в сторону такого круга проблем, как деконструкция и реконструкция национальных мифов, культуры памяти, социальная история войн, микроистория жизненных миров и отношений между полами.

Как отмечает автор в предисловии к своей книге, после 1945 года общие рамки исследования истории Пруссии значительно сузились. Сама прусская государственность была ликвидирована союзниками в 1947 году и не подлежала восстановлению, подавляющая часть архивов осталась в советской зоне оккупации (с 1949 года – ГДР) и была малодоступна для историков с Запада. Что же касается западногерманских историков, то они в первые послевоенные десятилетия предпочитали заниматься историей немецких земель, вошедших в состав ФРГ. Исследования Пруссии и восточнонемецких земель получили новый импульс в 1990 году, когда были основаны Федеральный институт восточно-немецкой культуры и истории в Ольденбурге и Фонд Бисмарка, а также ряд исследовательских центров в Лейпциге и Потсдаме. Стало выходить довольно много книг по истории прусской аристократии, культуры и системы государственного управления. Характерной чертой изучения истории Пруссии/Германии в современной ФРГ является то, что она не ограничивается историографическими и методологическими спорами в среде самих историков, но периодически провоцирует острые общественно-политические дебаты, что связано с различиями в исторических судьбах и политической культуре разных немецких земель, входящих сегодня в состав объединенной Германии, а также с различными оценками различных этапов истории Пруссии и ее государственных деятелей. Эта периодически вспыхивающая и угасающая полемика, которая не ограничивается сугубо академическими кругами, может служить ярким примером стремления

современного немецкого общества к переосмыслению своей истории в свете новых исторических фактов и общественно-политических императивов.

От прежних работ по истории Пруссии исследование Х. Шпенкуха отличается своим панорамно-энциклопедическим характером. В результате оно кристаллизуется в сложный историко-тематических комплекс, состоящий, по крайней мере, из семи составляющих: (1) Пруссия между Востоком и Западом: история ее внешней политики с 1648 по 1933 г.; (2) хозяйство Пруссии: территориальное расширение; меркантилистское государственное хозяйство; индустриализация и ее движущие силы – металлургия и строительство железных дорог; государственная таможенная и финансовая политика; (3) регионы Пруссии: диалектика интеграции и стремления к автономии на приобретенных или завоеванных территориях с XVIII по XIX век; (4) прусское общество: крестьянство, дворянство, буржуазия; рабочее движение; военные и милитаризация общества; меньшинства — евреи, поляки, славяне; (5) политическая система Пруссии: от абсолютистской монархии к демократическому «свободному государству»; государственное строительство и роль династии Гогенцоллернов и чиновничества; реформы и контрреформы; конституционное развитие и политическая культура; Пруссия как «свободное государство» (1919 – 1933); (6) государственная культура, культурное государство и общественные культуры в Пруссии от монархического двора до культуры модерна больших городов: изобразительное искусство, музыка, литература, архитектура; памятники и политические праздники; наука и образование; протестантизм и католицизм; (7) Пруссия и мир: историография и культуры памяти в процессе перемен; интернациональные связи и транснациональные отношения как поле будущих исследований.

Руководящей идеей исследования автору служит тема прусского государственного строительства, помещенная в общеевропейский контекст. При этом речь идет не об «идеальной государственной идее» Пруссии, и тем более не об апологии прусской монархии и ее внутренней и внешней политики, но об амбициозной попытке постичь сложно структурированное проблемное поле, включающее в себя территориальную экспансию и способы осуществления политического господства, создание бюрократического аппарата управления и развитие вооруженных сил и военного дела, возникновение налогового, правового и опекающего хозяйство государства. Особое внимание при этом автор уделяет также организации самого хозяйства, диалектике отношений между центральной и региональными властями, изменениям политической системы и форм гражданского участия, положению женщин и меньшинств, а также научной, образовательной и культурной сферам как пространствам относительной свободы. В этом автор, по его собственному признанию, следует указаниям Макса Вебера о необходимости помещать хозяйство, общество, политическое господство и культуру в более общие рамки государственного строительства.

Процессы государственного строительства в Пруссии автор разделяет на несколько исторических периодов. Самые важные из них – это период сложения Пруссии в качестве территориального государства, пик которого приходится на XVIII и начало XIX века, отмеченные подчинением сословий прусскому абсолютизму и объединением отдельных земель в единое государство. Главными агентами государственного строительства на этом этапе выступали королевское чиновничество и офицерский корпус армии, набравшийся из числа дворян из сословия помещиков-юнкеров. Им принадлежало право определения того, что собой представляли государственные интересы. Институционально оформленные монархия, бюрократия и армия продолжали претендовать на руководство прусским обществом на протяжении всего XIX века, несмотря на то, что процессы модернизации и индустриализации в этот период привели к появлению новых социальных групп, заявивших о своих правах на участие в общественно-политической жизни и давших исходный импульс формированию массовых партий. Однако на третьей фазе истории Пруссии (1871 – 1918) старым элитам оказалось не под силу осуществить программу социальной интеграции мобилизационного общества и создать современную нацию. Монархия в сочетании с

бюрократическими и военными элитами, а также авторитарные традиции блокировали развитие политической системы. Только после крушения монархии в 1918 г. появились предпосылки для демократизации Пруссии и Германской империи. Однако духовное наследие империи продолжало тяготеть над общественно-политической жизнью страны вплоть до кризиса 1930-х гг.

Подводя итог своим историческим изысканиям, автор отмечает два важных момента. Во-первых, в последнее время в среде историков наметился пересмотр традиционно господствовавшей точки зрения, согласно которой государство в Пруссии было всем, тогда как гражданское общество, напротив, находилось в загоне. Современные ученые-историки придерживаются по этому вопросу более сбалансированной точки зрения, согласно которой не только прусское гражданское общество сыграло большую роль в истории Пруссии/Германии, но и само прусское государство следует рассматривать не просто как систему власти, возвышающуюся над обществом и отдающую ему свои приказы, но как политическое образование, тысячами нитей переплетенное с гражданско-правовыми практиками и институтами на местах. Автор показывает, что прусское гражданское общество было вовсе не подчиненным объектом, но активным субъектом, особенно в городской жизни, в области образования и культуры, в экономике и в сфере современного искусства. Вместе с тем близкая государству, отчасти служившая буржуазия, привилегированная посредством образования, и мелкая буржуазия служили центром притяжения общества.

Во-вторых, как доказывает автор, если рассматривать вещи в исторической перспективе и европейском контексте, то авторитарные государства, вроде прусского «Obrigkeitsstaat», имеют свои преимущества перед свободно-либеральными государствами. К числу таких преимуществ относится обуздание частного насилия и общее умиротворение повседневной жизни, а также нормализация и рационализация жизненных условий посредством требований следовать формальным правилам и исполнять распоряжения центральной власти. Власть денег и денежная (не систематическая) коррупция чиновников здесь, как правило, имеет меньшие масштабы, а инфраструктура функционирует лучше.

Однако авторитарный характер прусской государственности имел и свою оборотную сторону. Это – чрезмерное доверие к государству и оправдание человеческих жертв тем, что они принесены во имя государственных интересов, крен в сторону полицейского государства и ограничения, накладываемые на правовое государство. Безопасность в авторитарных государствах достигается за счет свободы граждан, способность отдельных секторов экономики к инновациям тормозится, а культура участия граждан в общественно-политической жизни не получает достойного развития. Возведение на пьедестал сильного государства облегчило захват власти в 1933 г. власти национал-социалистами и формирование нацистского режима в Германии. Немецкая история служит ярким примером того, как под прикрытием формально-законных и легальных норм творилось откровенное беззаконие. Все это стало результатом того, что динамичная модернизация и хозяйственная либерализация в Пруссии, проводимая усилиями авторитарного государства на протяжении целого столетия (1815 – 1918) так и не привели к удовлетворительному решению проблемы политического участия. Это – один из важных уроков, который история Пруссии/Германии еще и сегодня преподносит всем тем странам, где двигателем социально-экономической модернизации выступает авторитарное государство.

Hübinger, Gangolf: Max Weber. Stationen und Impulse einer intellektuellen Biographie. Tübingen: Mohr Siebeck, 2019. – 420 S. – ISBN: 978-3-16-155724-8

Хюбингер, Гангольф: Макс Вебер. Этапы и импульсы интеллектуальной биографии. Тюбинген: Мор Зибек, 2019. – 420 S. – ISBN: 978-3-16-155724-8

Рецензент / Rezensent:

Тимофей Дмитриев / Timofey Dmitriev

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2020-00018>

Незадолго до смерти Макс Вебер охарактеризовал себя как «сына современного европейского культурного мира» (Max Weber-Gesamtausgabe (MWG), I/18: 101). Как М. Вебер в качестве «сына» европейского культурного мира воспринимал, постигал и описывал его? Этот вопрос стоит в центре последней книги Гангольфа Хюбингера «Макс Вебер. Этапы и импульсы интеллектуальной биографии» (2019).

Гангольф Хюбингер (род. в 1950) – известный немецкий специалист по интеллектуальной истории, бывший профессор сравнительной истории культуры и старший научный сотрудник Центра «В/Orders in Motion» Европейского университета «Виадрины» (Франкфурт-на-Одере), член редколлегий академических собраний сочинений Макса Вебера («Max Weber-Gesamtausgabe») и Эрнста Трельча («Ernst Troeltsch–Kritische Gesamtausgabe»). В книгу вошли статьи автора, посвященные различным этапам и эпизодам интеллектуальной биографии М. Вебера, написанные в период с 1988 по 1995 и с 2004 по 2018 год. Значительную часть этих статей составили публикации, написанные автором в процессе работы над изданием полного академического собрания сочинений и писем Макса Вебера, в осуществлении которого автор принимал участие начиная еще с 1980-х годов, а с 2004 года – в качестве члена редакционной коллегии этого монументального проекта и редактора его отдельных томов. Это позволило, помимо всего прочего, поставить на совершенно новый источниковедческий и текстологический уровень работу над теоретическим и эпистолярным наследием М. Вебера.

Европейскую культуру рубежа XIX и XX веков М. Вебер рассматривал как сотканную из противоречий и противоположностей. Индустриальное общество начала 20 века, с которым ему довелось иметь дело как социальному ученому и политическому деятелю, обладало богатой и разносторонней культурой, в рамках которой сталкивались друг с другом противоположные ценностные установки, характерные для разных жизненных сфер науки, искусства, религии, светской морали и т. д. Эта культура рубежа веков складывалась из трех основных составляющих: массового рынка, на котором обращались и реализовывались материальные и духовные продукты; демократизированной картины мира и истории, а также из онаучивания социальных самоописаний общества.

В своей книге Г. Хюбингер показывает, что жизненный и интеллектуальный путь Вебера складывался из целого ряда этапов, на каждом из которых он выступал одновременно в качестве актера, действующего на сцене немецкого политического и культурного модерна, и в качестве аналитика того сценического действия, которое на ней происходило. При этом позицию М. Вебера как ученого и аналитика модерна определяло то, что во «всех сферах жизни» он усматривал происходящую в них борьбу между «Богом» и «дьяволом», которые в условиях модерна принимают образ «безличных сил», причем «индивид должен решить, кто для него Бог и кто дьявол» (MWG I/17: 101).

Решающее значение для формирования духовного и интеллектуального склада М. Вебера автор книги придает событиям рубежа двух веков, отмеченным культурными войнами за толкование жизненных порядков модерна. Горизонтом веберовского мышления

стал «культурный перелом», который приходится на начало 1900-х годов. Этим переломом был отмечен переход Германии от эпохи Бисмарка к эпохе Вильгельма II, который нашел свое завершение в крушении Германской империи и провозглашении Веймарской республики в 1918 году. В понимании автора «культурный перелом» – это такое время, когда «восприятие глубоких исторических изменений приводит к принципиальному изменению представлений общества о самом себе» (S. 2). В свою очередь, новые стандарты организации наблюдений общества над самим собой изменяют горизонты восприятия людьми социальной действительности и их отношение к ней. Перед первой мировой войной Европа испытала «сильное ускорение», в рамках которого расширение сетей экономики, коммуникаций и торговли сочеталось с подъемом национального самосознания и обострением конкуренции между ведущими империалистическими державами. Решающее значение для изменения политических настроений немецкого общества, начиная с 1900 года, имела так называемая «демократизация», связанная с демократическим притязанием масс на равноправное участие во всех благах цивилизации.

Если эпохальный переворот 1800 года был отмечен «двойственной революцией» (термин принадлежит английскому историку Эрику Хобсбауму) – промышленной (в Англии) и демократической (во Франции и сопредельных с ней державах), то применительно к эпохальному перевороту 1900 года можно говорить об аналогичной двойной «культурной революции». Две отличительные черты особенно заметны в происходящем на рубеже веков европейском культурном переломе. С одной стороны, массовые общества начала XX века характеризуются плюрализацией и демократизацией форм жизни и картин мира. С другой стороны, быстрое изменение восприятий современных жизненных отношений ведет к появлению новых методов научного самоописания явлений общественно-политической, социальной и культурной жизни.

Г. Хюбингер полагает, что Макса Вебера следует считать сыном всех этих революционных преобразований, воплощенных в культурном переломе, ведущей к новой эпохе. Он принадлежал к элите, состоящей из людей знания, которые накануне и в годы первой мировой войны работали над разрешением целого комплекса проблем, в центре которого стоял вопрос о том, возможно ли в долгосрочной перспективе объединение высоко интегрированного мирового хозяйства, национального государства и массовой демократической политики. После большого путешествия в Северную Америку в 1904 году в фокус исследовательского интереса М. Вебера попадает проблематика взаимовлияний глобального капитализма, национально-государственного порядка и демократического самоопределения масс. В последующем создание М. Вебером социологии как «науки о действительности» тесно переплетается у него с диагностикой характера и тенденций развития современной эпохи.

М. Вебер был трезвым мыслителем порядка и последовательным идейным борцом. Он вел жизнь ученого-интеллектуала и принадлежал к тем социальным ученым, которые посвятили свою жизнь онаучиванию социального мышления. Всерьез восприняв импульс, данный культурным переломом на рубеже 1900 года, он с помощью новых языковых новаций, понятийно-критической постановки проблем и перестройки социально-экономического знания предпринял попытку дать внятное самописание современного мира в новую эпоху его истории. При этом явно не меньший вклад внес он и в идейно-политическую борьбу своего времени.

Вебер-ученый видел «судьбу нашей эпохи» в «характерной для нее рационализации и интеллектуализации и прежде всего расколдовывании мира» (MWG I/17: 109). Вопрос о том, что собой представляет процесс «рационализации» в мире модерна, составлял постоянную тему его исследований. Процессы развития как академической, так и массовой культуры в Германской империи Вильгельма II отмечены далеко зашедшими процессами интеллектуализации и профессионализации. Профессионализации профессии журналиста может служить важнейшим индикатором перехода от буржуазной элитарной к демократической массовой культуре. Культурную власть книги и печатной прессы в

немецкой культуре было часто принято маркировать с помощью ярлыка «интеллектуализма». Вебер превратил это энциклопедическое понятие из тогдашнего словаря в понятие «интеллектуализации», выражающее определенный вектор всемирно-исторического развития, и связал с его с понятием «интеллектуалы» как обозначения определенного типа социальных акторов, вовлеченных в идейные дебаты по поводу проблем общественно-политической и культурной жизни.

Распространение феномена массовой политики в сочетании с интенсивными процессами онаучивания социального мышления требовало появления новых научных дисциплин и не в последнюю очередь – политической социологии как формы осмысления характерных для индустриального общества начала XX века массовых форм общественно-политической жизни. Новому миру, рожденному на переломе веков, требовалась новая политическая наука. Онаучивание мышления о социальном порядке в сочетании с общественно-политической демократизацией требовало уяснения того, какое место научное осмысление политики должно занять в ряду правовых, исторических и социально-экономических исследований. Начиная с 1917 года «проблемы социологии государства» интересовали М. Вебера больше, чем какие-либо другие. В эту пору в качестве *homo politicus* он выступает одновременно в трех ипостасях: в качестве советника при разработке нового конституционного порядка; в качестве публициста при освоении новых демократических ценностей и моделей действия и в качестве ученого, исследующего различные типы политического господства. Вплоть до самой смерти анализ политического господства оставался для Вебера открытым экспериментальным полем, связанным с разработкой новых понятий и теорий социологии политики. В частности, введенная им категория «цезаризма», сегодня широко используется для объяснения массовых практик господства плебисцитарно-аккламативного типа, которые принято называть «популистскими».

Стиль мышления М. Вебера автор книги характеризует как «конфликт-либерализм» («Konfliktliberalismus») (S. 9, 325, 338—340). Характеризуя интеллектуальный образ М. Вебера, Г. Хюбингер отмечает, что в качестве социального ученого он был вовлечен в «процесс интеллектуализации», захвативший культурный и социальный мир модерна вследствие онаучивания социального мышления. В то же самое время М. Вебер стал тем мыслителем, который, как никто другой в его эпоху, подверг критической переоценке место и роль науки в контексте находящихся друг с другом в конфликте сфер жизни мира модерна. Не признавая за современной наукой права на жизненное руководство поступками индивидов в мире модерна, М. Вебер, тем не менее, считал, что социальная наука, и особенно теоретическая социология как «наука о действительности» способна сказать многое о том, как устроен мир модерна и в каком направлении он развивается. Показ того, как этот настойчивый поиск понимания социальной действительности при помощи социально-научного знания преломляется через призму интеллектуальной биографии М. Вебера, составляет главное достоинство новой книги Г. Хюбингера.

Möller, Horst: Die Weimarer Republik. Demokratie in der Krise. München: Piper Verlag, 2018. – 458 S. – ISBN 978-3-492-31290-5

Мёллер, Хорст: Веймарская республика. Демократия в кризисе. Мюнхен: изд-во Пипер, 2018. – 458 с. – ISBN 978-3-492-31290-5

Рецензент / Rezensent:
Сергей Артамошин / Sergej Artamoshin

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2020-00016>

Книга известного германского историка Хорста Мёллера представляет собой новое издание его, ставшей уже классической, монографии, посвященной истории Веймарской республики. В отличие от предшествующих изданий, данное издание представляет собой расширенный вариант текста, местами существенно переработанный и дополненный отдельной главой, посвященной Густаву Штресеманну и германской внешней политике 1920-х гг. Вместе с тем, несмотря на сохранение первоначального содержания первого издания, текст в значительной мере пересмотрен и дополнен ценными комментариями и рассуждениями об особенностях внутренней и внешней политики Веймарской республики. Это выразилось и в изменении подзаголовка книги: вместо «незавершенной демократии» фокус проблемы сместился к «демократии в кризисе», что определило сердцевину исследования, отступая от фаталистического рассмотрения опыта первой немецкой демократии к пониманию ее политического пути в условиях кризиса демократии.

Х. Мёллер во вступлении отмечает, что историческая судьба германской республики связана с военным поражением в Великой войне и революцией, и отречься от этого она не в состоянии. Однако это не означало ее обреченность. «Без сомнения, шансы демократической республики с самого начала были невелики, однако она не была неминуемо приговорена к краху» (S.9). Данное утверждение позволяет отметить, что Х. Мёллер видел в исторической судьбе республики альтернативность ее развития, которое персонифицировалось в личностях ее политических деятелей, направлявших ее сквозь рифы политического противостояния.

Обращая внимание на личностный фактор в истории Веймарской республики, автор выделяет три типа веймарских политиков: республиканца, республиканца разумом и монархиста, соответственно воплощенных в конкретных фигурах политического ландшафта веймарской системы Ф. Эберте, Г. Штресеманне и П. фон Гинденбурге. Этими политиками представлены пути развития веймарского государства в короткий период республиканского существования.

Фридрих Эберт, глава СДПГ, первый президент республики представляется Х. Мёллеру как человек мужества и ответственности, готовый пожертвовать многим ради своих убеждений, сторонник патриотической лояльности в годы войны, сыгравший важную роль в судьбе немецкого рабочего движения, выведший его из «политического гетто», в котором он находился, и своим примером показавший возможность политической карьеры без отказа от происхождения (S. 15-20). На страницах книги чувствуется симпатия Х. Мёллера к Ф. Эберту как политику, сумевшему остановить сползание революции в радикальное русло, в воплощение большевистского сценария (S. 63). Автор видел в нем представителя политического центра, способного в условиях кризиса к заключению компромиссных соглашений, превращавшихся в опору республики. Представляется убедительным утверждение о том, что Эберт желал демократии (S. 49), что подтверждается

его практическими шагами. В целом, Х. Мёллер рассматривает Ф. Эберта как защитника республиканских принципов молодого государства.

Республиканца разумом называет автор рейхсканцлера и многолетнего министра иностранных дел Густава Штресеманна, который, как и Ф. Эберт, был надеждой республики. Он воплощал в себе идеи правого и левого крыла германского либерализма, стремился к интеграции СДПГ в политическую систему и использование потенциала рабочего движения, с целью реорганизации кайзеровской монархии в парламентскую монархию, а после падения монархии взявший курс на превращение Немецкой народной партии в партию центра республиканской системы (S. 111-114). Его дистанцирование от Капповского путча 1920 г. позволило автору утверждать о том, что его поворот к республике произошел не в 1923 г., а в 1920 г. (S. 116). Х. Мёллер характеризует Г. Штресеманна как блестящего оратора и сторонника прагматического подхода как в решении внутривнутриполитических, так и внешнеполитических вопросов, способного сочетать в своей деятельности как национальные, так и общеевропейские интересы. Его кончина в 1929 г. лишила Германию крупнейшего политического деятеля, сравнимого по своим масштабам с О. фон Бисмарком (S. 108, 244).

Иной тип политика представлял собой второй президент республики П. фон Гинденбург, являвшийся воплощением ушедшей эпохи. «Если большинство немцев избирало его рейхспрезидентом в 1925 и в 1932 гг., то, конечно же, не за выдающиеся духовные или политические дарования, а потому, что он был символической фигурой» (S. 71). Х. Мёллер отмечает, что Гинденбург не стал сторонником демократии, как Г. Штресеманн, а считал себя наместником императора, управляющего канцлерами как подданными. Конечно, он излучал авторитет, не соответствуя ему (S. 89, 78). Его нелояльность республиканской системе усиливалась склонностью к предательству собственных канцлеров, и в общественном сознании граждан он воплощал потерянный блеск империи и замену отца и кайзера (S. 78, 93). Размышления автора об альтернативе фигуре Гинденбурга не лишено определенного смысла, так как позволяет взглянуть на те возможности, которые были потеряны веймарским обществом. Считая, что выборы президента в 1925 г. могли бы послужить основой для формирования стабильной политической системы, в условиях кризиса радикальных проектов свержения республики, Мёллер полагал, что возможная поддержка кандидатуры Маркса на пост президента республики в 1925 г. дала бы шанс молодой немецкой демократии на выживание, так как семилетний срок президентских полномочий позволил бы привить обществу демократические ценности (S. 96). Однако парадоксальность ситуации состояла в том, что выбор немецким населением Гинденбурга указывает не столько на блеск ушедшей эпохи, сколько на конфликтность германского общества, не склонного к признанию демократических принципов по различным причинам. Можно утверждать, что победа Гинденбурга была демонстрацией антидемократического дискурса германского общества.

В отношении президентских выборов 1932 г. позиция Х. Мёллера носит фаталистический характер, исключавший какие-либо средства предотвращения политической катастрофы веймарской демократии. «Два президента республики, Эберт был ее надеждой, Гинденбург – символом исходящей для нее опасности. Если президент, каким был он, становится надеждой, как в 1932 г., это означает, что положение республики плохо, практически безнадежно» (S. 97).

Шаткость республиканских основ выражалась в сохранении, по мнению автора, положения рейхсвера как государства в государстве, что не позволило превратить его в демократическую структуру республики. Отказ от смещения Г. фон Секта после провала Капповского путча рассматривается историком как проявление политической слабости (S. 207). Однако нам представляется, что это было не проявление политической нерешительности, хотя веймарские правительства никогда не отличались политической твердостью, а скорее склонность Эберта не раскачивать лодку тогда, когда все и так было

достаточно шатким, ведь лучше иметь политически индифферентный, чем красный рейхсвер.

Х. Мёллер оценивает политический конфликт в конце Веймарской республики как конфликт поколений, столкновение старых и новых партий, воплотившийся в структурный кризис политической системы. Справедливо утверждение о том, что «в конце республики в 1930-1933 гг. характеризующее охватывание демократии коммунистами слева и немецкими националистами и национал-социалистами-фёлькише справа теперь определяло сущность политических дискуссий. Несмотря на всю враждебность, левые и правые экстремисты были едины в борьбе против демократической республики» (S. 205). Вместе с тем, как не парадоксально звучит, процедура назначения Гитлера канцлером в большей степени соответствовала парламентским обычаям, чем утверждение кабинетов Папена и Шлейхера (S. 342). Делая окончательный вывод в отношении нацизма, Х. Мёллер утверждал, что «в простую схему “левые-правые” НСДАП не вписывается. Подъем национал-социализма означал в формальном, также как и в содержательном отношении, несмотря на многие анахронизмы, несмотря на многие реакционные представления, победу нового над старым» (S. 373).

Х. Мёллер повторяет старую либеральную схему, высказанную К. Зонтхаймером, о том, что интеллектуальное течение консервативной революции подготовило почву для прихода нацизма к власти, выразившееся в воплощении пафоса будущего без пафоса свободы революций 1789 г. и 1918 г. Историк полагает, что отсутствие этого этического посыла отличало правых от левых, при этом умышленно следуя безответственным словам коммунистов о свободе, считая их призывы к ней реальным стремлением, совершенно игнорируя тот факт, что немецкие коммунисты были лишь клиентами советской системы, проводившей бесчеловечный социальный террор населения СССР. Анахронизмом выглядит утверждение Х. Мёллера о том, что политическая концепция Карла Шмитта, его дихотомия «друг-враг» служила легитимацией физическому уничтожению, проводимому нацистами. Беспочвенность данного утверждения доказательно обсуждалась в исследованиях творчества консервативного мыслителя К. Шмитта в 1990-2000-е гг., однако автор счел возможным сохранить данное утверждение в данном издании, и не обратить внимание на историографическую дискуссию по данному вопросу.

В целом, книга Х. Мёллера может быть отнесена к классическим работам, посвященным истории первой немецкой демократии, и ее новое издание уточняет и конкретизирует отдельные сюжеты ранних изданий. Новое издание актуализирует политическую историю Веймара и демонстрирует эволюцию суждений самого автора, что представляет интерес для вдумчивого читателя.

Krumeich, Gerd: Die unbewältigte Niederlage. Das Trauma des Ersten Weltkriegs und die Weimarer Republik. Freiburg-Basel-Wien: Herder Verlag, 2018. – 331 S. – ISBN 978-3-451-39970-1

Крумайх, Герд: Неразрешенное поражение. Травма Первой мировой войны и Веймарская республика. Фрайбург-Базель-Вена: изд-во Гердер, 2018. – 331 с. – ISBN 978-3-451-39970-1

Рецензент / Rezensent:
Сергей Артамошин / Sergej Artamoshin

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2020-00017>

Книга германского историка Герда Крумайха, преподававшего новейшую историю в университете Г. Гейне в Дюссельдорфе, посвящена проблеме истории Великой войны, и ее выход в столетие заключения Версальского мирного договора по-своему символичен, так как проблема, поднятая в этом исследовании, связана с историей восприятия германским обществом опыта Первой мировой войны и его воздействие на общественные и политические процессы, проходившие в годы республики. Нельзя сказать, что автор сконцентрировал внимание на историческом воздействии Версальского мирного договора на германское общество, скорее напротив, он постарался взглянуть на события 1920-х годов по-новому, сквозь призму проблемы переживания и преодоления коллективной травмы войны (S. 12). Таким образом, предметное поле исследования определяется Г. Крумайхом как стремление изучить, как немцы переживали Великую войну и ее завершение, и насколько эти события воздействовали на послевоенное общество и отражались в политической жизни веймарского государства (S. 16). Такой подход представляется продуктивным в том смысле, что позволяет объединить события войны и становление Веймарской республики, которая вышла из войны и по-своему является ее ребенком.

Г. Крумайх отмечает, что восприятие Великой войны в германском обществе началось складываться еще в годы самой войны, когда создавались коммуникационные каналы взаимодействия фронта и тыла. К таковым относились серии солдатских писем с фронта, издаваемых в Германии, и в которых были слышны голоса солдат о том, чем становилась война для их участников. Конечно, автор обосновано указывает на цензурированность данных изданий, но именно через них население страны получало информацию о том, что происходило на фронте, высказанную участниками боев. Героизация войны, считает автор, превратилась в дискурс властей, направленный на сохранения гражданского мира. Наиболее ярко это проявлялось в 1916 г., когда возвеличивалась битва за Верден и приносились жертвы на Сомме (S. 32). Исследователь указывает на процесс визуализации войны, который приобретает новое значение в годы мировой войны, причем он становится не частным проявлением, а составной частью государственной политики военной пропаганды, после создания в 1916 г. Ведомства фотографии и кино. Одним из первых его успехов Г. Крумайх считает демонстрацию фильма «С нашими солдатами на Сомме», в котором продемонстрировано конструирование образа Германии как защитника европейской цивилизации (S. 34-36).

Автор отмечает, что знакомство тыла с жизнью фронта через кино и фотоматериалы служило способом передачи военных переживаний гражданскому населению. Провозглашенный гражданский мир был разрушен в 1917 г. после раскола германской социал-демократии на СДПГ и НСДПГ (S. 48). Антивоенная пропаганда «Спартак» и январская забастовка 1918 г. поставили перед германским обществом дилемму: достижение

мира через революцию или наступление революции через мир (S. 66). Автор отмечает, что появление военных «писем несчастий», в которых солдаты писали о возможностях мирных отношений, разрушенных войной, сыграли определенную роль в понимании германского военного поражения после войны (S. 60-62). Таким образом, автор указывает на наличие героического и трагического восприятия войны, влиявшего на ощущения войны гражданским населением.

Г. Крумайх рассматривает последовательность событий лета-осени 1918 г. в контексте их влияния на формирование послевоенной проблемы военной вины за поражение в войне. Он обоснованно утверждает, что уже в середине августа 1918 г. политическому и военному руководству Германии было ясно, что война проиграна, поэтому последовавшая дискуссия о вине и радикальное отклонение «вины за войну» и «вины в войне» имело далеко идущие последствия (S. 184). В частности, убийство Эйснера графом Арко было новой формой рассмотрения проблемы ответственности за поражение. Германский историк указывает на концепцию удара кинжалом в спину как форму объединения военных и политических позиций при оценке мировой войны. Показанная последовательность формирования легенды демонстрирует, что утверждение об измене сформировалось лишь в ходе политических обсуждений (S.186-198). Автор фиксирует степень инструментализации легенды об ударе кинжалом, которая активно использовалась не только в политической полемике, но и превращалась в элемент избирательной пропаганды, как, например, в 1924 г. (S. 191). Если праворадикальная интерпретация вины за поражение в войне вытесняет иные политические оценки, то достаточно интересным представляется акцент использования обвинения социал-демократии коммунистическими силами, как бы формируя радикальный взгляд на проблему вины. Так, коммунистическая критика соглашения Эберта-Грёнера послужила аргументом в демонстрации реакционности СДПГ, и впоследствии закрепилось в историографии ГДР (S. 203-204).

Нам представляется обоснованным заключение Г. Крумайха о роли легенды об ударе кинжалом в спину в радикализации политической борьбы в годы Веймарской республики, когда данная аргументация использовалась правыми силами в подчеркивании вины революционных событий и германской социал-демократии в поражении победоносной кайзеровской армии, также как и радикальные левые, коммунистические силы, утверждали об измене социал-демократии делу германской революции. В этом объединялся радикальный дискурс против Веймарской республики. Г. Крумайх справедливо утверждает, что легенда об ударе кинжалом оставалась в Германии проблемой внутренней политики и антагонистических идеологий. Этот тезис был «разъедающей солью в ране поражения» (S. 208).

Автор критикует утверждение историка Дж. Моссе о брутализации европейского общества после войны как объяснения роста радикальных политических сил. Он считает, что, на первый взгляд, роль ветеранов войны среди немецких правых и левых радикалов имела место быть, однако в масштабном исчислении она была мизерной, на фоне того, что большинство германских солдат после окончания войны вернулись к нормальной мирной жизни и избегали участия в радикальных и военизированных организациях (S. 211). Г. Крумайх отметил, что инструментализация проблемы вины была бы снята с политического использования радикальным национализмом в том случае, если бы войска Антанты прошли маршем через Берлин в 1918 г., лишив националистов аргументов против республики. Однако реальность революции привела к тому, что травма войны слилась с Веймаром, став ключевым тезисом германских правых сил (S. 214).

Радикализация политической борьбы в Германии, по мнению германского историка, приводила к созданию атмосферы радикального насилия, принципиально отличавшейся от политического противостояния довоенной Германии. Политически мотивированное насилие приводило к хладнокровным убийствам, где расстрел становился аргументом спора (S. 214). В этом он видел выражение политического терроризма первой половины 1920-х гг., истоки которого находились в проблеме вины.

Художественная форма преодоления коллективной травмы осмысливается Г. Крумайхом на примере тематики картин германского дадаизма, в частности на примере произведений Отто Дикса и Георга Гросу Маппе (S. 238). Второй стороной художественного переосмысления войны стала мемориальная культура, где в отношении атрибутов и памятников войне прослеживается механизм преодоления травмы. Автор отмечает различное политическое отношение к военным наградам, стремление республиканских сил исключить их из повседневности (S. 246-247). Г. Крумайх отмечает противоречивость политических дискуссий о памятнике героям войны, стремление каждой политической силы предложить собственную коннотацию смысла войны. Справедливо утверждение о том, что национал-социалисты использовали образ войны для установления параллели между фронтовым обществом и народной общностью, интерпретируя жертвы Великой войны как смерть за будущее германского общества (S. 265).

Следует отметить, что книга Герда Крумайха делает актуальным обращение к изучению Веймарской республики сквозь призму Великой войны, что позволяет увидеть веймарские события в новом свете.